

АЛЕКСЕЙ НЕВОХОВ

ДОМ НОМЕР
ДВЕНАДЦАТЬ

18+

Алексей Небоходов
Дом номер двенадцать

«Автор»

2026

Небоходов А.

Дом номер двенадцать / А. Небоходов — «Автор», 2026

Москва, 1914-й. Пока патриоты громят немецкие вывески, под аптекой на Чистых прудах фармацевт Гильбих создаёт ИДЕАЛЬНУЮ ЖЕНЩИНУ. Из пробирки! Живую! Прекрасную! И безжалостно голодную! Августина не пьёт кровь — она питается Вашей похотью! Один взгляд — и кучер забыл про жену. Одно касание — и брат Императора ползает у неё в ногах! Набожная дочь хозяина — та самая, с чётками и Евангелием — теперь сама ищет боль в трущобах Хитровки! А что вытворяет строгая мадам Гильбих за закрытыми дверями бывшей классной комнаты — вам лучше Не знать! Дом номер двенадцать стал Фабрикой Греха, и остановить это Невозможно! Создатель в ужасе заперся в подвале. Но поздно — Джинн выпущен! Вы думаете, это закончилось сто лет назад? Она до сих пор гуляет по Чистопрудному бульвару. И она Голодна.

© Небоходов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	26
Глава 4	33
Глава 5	42
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Алексей Небоходов

Дом номер двенадцать

Глава 1

На Чистопрудном бульваре в августе 1914 года стояла особенная тишина, какая бывает только в летнем городе, когда даже листья на липах замирают от жары. Гладь пруда отражала небо без единого облачка, редкие прохожие двигались неспешно, будто время здесь текло по своим законам. Никто не мог предположить, что эта размеренность вскоре будет нарушена криками толпы, патриотическими песнями и шумом приближающейся войны, которая через несколько дней станет называться Великой.

Дом номер двенадцать ничем не отличался от соседних – каменный фасад с неоклассическими элементами, высокие окна, отражающие утреннее солнце. Только вывеска над первым этажом сообщала о том, что здесь находится «Казенная аптека военного ведомства», и придавала зданию официальность. В этот ранний час окна второго и третьего этажей были ещё закрыты тяжёлыми шторами, а в аптеке уже горел свет.

Карл Густавович Гильбих, статский советник и управляющий аптекой, прибыл на службу, как обычно, ровно в шесть тридцать утра. Спустился по внутренней лестнице со второго этажа, где располагались жилые комнаты семьи и учебное заведение супруги. За двадцать лет службы он ни разу не опоздал и не пришёл раньше положенного времени – немецкая точность вьелась в его кровь вместе с запахом лекарственных трав и химических препаратов. Уходя, он бросил взгляд на дверь в конце коридора с медной табличкой «Частное учебное заведение третьего разряда для обоих полов А. А. Гильбих» – через два часа Александра Александровна начнёт принимать учеников.

Отперев дверь своим ключом, Гильбих вошёл в прохладный полумрак аптеки, вдохнул знакомый запах и прошёл в кабинет. Первым делом завёл настольные часы, сверившись с карманными, и только после этого повесил пальто и шляпу на вешалку в углу. Ритуал повторялся изо дня в день, не меняясь ни при каких обстоятельствах. В этой упорядоченности Карл Густавович находил утешение и опору – мир мог рушиться, но часы в кабинете всегда показывали точное время, а флаконы на полках стояли в алфавитном порядке по латинским названиям.

– Доброе утро, Карл Густавович, – в дверях появился молодой человек в белом халате, слегка помятом, будто надетом в спешке.

– Доброе утро, Сергей Николаевич, – ответил Гильбих, отметив про себя, что помощник, несмотря на все внушения, снова не выгладил халат. – Вы сегодня рано.

– Да, я... проснулся и не смог больше уснуть, – Тарасов нервно потёр ожог на правой ладони. – Столько разговоров о войне, указ о мобилизации зачитывали вчера на площадях...

Гильбих кивнул, не поднимая глаз от бумаг на столе. Война. Это слово отдавалось в ушах не просто медным звоном гарнизонных труб Брест-Литовской крепости, где прошло его детство, но и грохотом орудий под Шипкой, где он сам, тогда ещё подпоручик, командовал артиллерийским расчётом. Магистр фармации теперь, он когда-то носил офицерский мундир, как отец, полковник Густав Гильбих, и дед – третье поколение военных на русской службе. «Присяга важнее крови» – эти слова отца звучали особенно горько сейчас, когда Карл вздрагивал при каждом упоминании о Германии и немцах. Он машинально коснулся нагрудного кармана, где хранил Георгиевский крест, полученный за кровавую зимнюю кампанию 1877 года.

– Займитесь инвентаризацией, Сергей Николаевич, – сказал Гильбих, всё ещё не глядя на помощника. – Сегодня должна прийти партия бинтов и йода. Проверьте запас морфия – возможно, потребуется заказать дополнительно.

– Вы думаете, будет много раненых? – в голосе Тарасова прозвучало странное воодушевление.

– Я думаю, что наша задача – быть готовыми, – сухо ответил Гильбих. – Особое внимание уделите хинину. С ним уже сейчас перебои.

Когда за помощником закрылась дверь, аптекарь подошёл к окну. Бульвар начинал просыпаться. Дворники в белых фартуках подметали дорожки, молочница с бидонами устраивалась на своём обычном месте у чугунной ограды. Всё было, как всегда, и всё же что-то неуловимо изменилось. Может быть, движения людей стали более нервными?..

Гильбих вернулся к столу и раскрыл амбарную книгу – толстый том в кожаном переплёте, куда собственноручно записывал все поступления и расходы лекарственных препаратов. Каллиграфическим почерком, которым мог бы гордиться лучший гимназический учитель чистописания, вывел дату: «1 августа 1914 года». Отложив перо, провёл рукой по странице. Порядок на бумаге создавал иллюзию порядка в жизни.

В аптеке между тем начиналось движение: прибыли две помощницы, румяные девушки из фельдшерской школы, проходившие практику, и старый Силантыч, сторож и истопник, который поддерживал чистоту в торговом зале. Карл Густавович слышал приглушённые голоса, звон стеклянной посуды, шарканье веника – привычные звуки начала рабочего дня. Но сегодня даже эта размеренность не могла снять его внутреннего напряжения.

Ровно в восемь часов Гильбих вышел из кабинета для ежедневного осмотра аптеки перед открытием. Всё должно было быть безупречно: полки протёрты от пыли, склянки расставлены в идеальном порядке, весы настроены, прилавок отполирован. Управляющий медленно шёл вдоль стеллажей, вглядываясь в этикетки, проверяя, не нарушен ли алфавитный порядок, не запылилось ли стекло. Тарасов следовал за ним, готовый исправить любую неточность.

– Йод поставьте левее, после ипекакуаны, – негромко произнёс Гильбих, и помощник тут же передвинул склянку на указанное место.

– Шалфей не на своём месте.

– Сейчас исправлю, Карл Густавович.

Ритуал осмотра был прерван необычным шумом с улицы. Гильбих поднял голову и прислушался. Обычно бульвар в этот час был почти безлюден – редкие прохожие, спешащие по делам, да изредка проезжающие экипажи. Но теперь отчётливо слышались громкие голоса, пение – что-то, похожее на военный марш, исполняемый нестройным хором.

– Что там происходит? – спросил управляющий, хотя и догадывался об ответе.

Тарасов, который был выше Гильбиха на голову, привстал на цыпочки, вглядываясь в окно.

– Демонстрация, Карл Густавович. Люди с флагами идут. Поют что-то... Кажется, «Боже, Царя храни».

Гильбих нахмурился. Внутри шевельнулось неприятное чувство – тревога и стыд. Он уже слышал, что после объявления мобилизации по Москве прокатилась волна патриотических манифестаций. Вчера толпа разгромила немецкое посольство, несколько магазинов подверглись нападению. Газеты пестрели заголовками о «германской угрозе» и «тевтонском варварстве».

– Продолжайте проверку, – сказал он Тарасову, возвращаясь к полкам, но мысли его были уже далеко.

Шум на улице нарастал. Теперь сквозь стекло можно было различить отдельные выкрики: «Ура!», «Да здравствует Россия!», «Долой немцев!» Последнее заставило Гильбиха вздрогнуть. Двадцать пять лет безупречной службы, работа на благо русской армии, воспитание дочерей в духе православия и верности престолу – и вот теперь он вдруг стал врагом только из-за фамилии и акцента.

– Сегодня будет много посетителей, приготовьтесь, – сказал он девушкам-практиканткам, которые замерли у прилавка, прислушиваясь к шуму демонстрации. – Анна Павловна, проверьте запас бинтов в задней комнате. Елизавета Сергеевна, займитесь настойкой валерианы – её запас следует пополнить.

Девушки переглянулись и поспешили исполнять распоряжения. Гильбих заметил этот взгляд – почтительность и настороженность. Так смотрели на него в последние дни многие – вроде бы по-прежнему уважая профессионализм, но с оттенком подозрительности, словно его немецкие корни могли повлиять на качество изготавливаемых лекарств.

В восемь тридцать, как положено, аптека открылась для приёма накладных. Первым вошёл офицер гвардейского полка – молодой человек с закрученными усами и блестящими глазами, взволнованный то ли бессонницей, то ли патриотическим подъёмом.

– Доброе утро, господин аптекарь! – громко произнёс он, протягивая казённый бланк. – Накладная от полкового лазарета. Потребны срочные поставки.

На бланке значилось: поручик Нарышкин, нервное расстройство. В списке – микстура с бромом, настойка пустырника, валериановые капли. «Тревога среди офицерского состава уже началась», – подумал Гильбих, принимая накладную и отдавая указания Тарасову.

– Готовится, господин поручик, подождите немного, – сказал он ровным голосом с лёгким, едва уловимым акцентом, которого обычно не замечал, но сейчас ощутил неловкость.

Офицер кивнул и отошёл к окну. С бульвара доносился гул демонстрации: студенты, рабочие, чиновники шли в колоннах, несли портреты царя и триколоры, пели гимн и военные песни.

– Великое зрелище! – воскликнул поручик, возвращаясь к прилавку. – Вся Россия поднимается на защиту рубежей. Ни один тевтонский солдат не посмеет ступить на нашу родную землю!

Гильбих промолчал и принялся подсчитывать стоимость заказа на счётах по нормам военной аптечной части. Деревянные костяшки мягко постукивали под пальцами. Тарасов бросил на управляющего недовольный взгляд, но продолжил отмерять капли.

– Карл Густавович, спирт на исходе, – тихо сказала Анна Павловна, подходя с ведомостью. – В подвале есть запас, но ключ от шкафа я не нашла.

– Спустишь сам, – ответил Гильбих. – Не останавливайте работу.

В подвале, куда вела скрипучая лестница, запахи лекарственных трав, спирта и чего-то пряно-землистого смешивались в полумраке. Сквозь маленькое окно под потолком падал тусклый свет. Гильбих опёрся руками о старый стол, отполированный годами работы, с тёмными пятнами от пролитых микстур и царапинами от лопаток и ножей.

Здесь, в прохладе, война казалась далёкой. Привычные банки на полках, ящики с травами и тишина позволяли не думать о том, что за дверью – мир накалённого патриотизма. Шум шагов и крики «ура» едва доносились сюда.

Гильбих выпрямился, глубоко вдохнул. Исполнение долга оставалось неизменным: отпускать лекарства по военным накладным, соблюдая точность и порядок. Понадобятся препараты раненым – и никого не будет волновать, кто тот аптекарь, что их изготовил.

Отперев железный шкаф, он достал большую бутылку медицинского спирта. Взгляд остановился на не приметной двери в дальнем углу – входе в тайную лабораторию. Там, среди колб и рукописей, он трудился над исследованиями, о которых не знал никто. На миг захотелось спрятаться и забыться работой, но время ещё не пришло.

С бутылкой в руках он поднялся наверх. В аптеке толпились офицеры, чиновники из военных учреждений, присланные интенданты. Каждая накладная регистрировалась Тарасовым, практикантки сновали взад-вперёд с пробирками и флаконами.

– Капли ландыша, йод, бинты, – перечислял Тарасов, оборачиваясь к Гильбиху. – Всё по накладным. Но уже жалуются: боятся, что скоро не хватит. И рвотное берут – говорят, помогает получить белый билет.

Гильбих сжал губы. Злоупотребление препаратами для уклонения от службы противоречило уставу, но он не стал вникать в причины. Следовало исполнять накладные.

За окнами оркестр гвардейского батальона играл марш, над улицей реял патриотический восторг. Гильбих поправил очки, оглядел аптеку – флаконы стояли ровными рядами, весы отрегулированы до миллиграмма, записи в журнале велись безошибочно. Его маленький мир оставался островком порядка посреди надвигающегося хаоса.

Он вернулся за прилавок и, как всегда, стал выдавать лекарства методично и точно. Голос звучал ровно, движения – сдержанны, взгляд – сосредоточен. Лишь руки, отмеряя микродозы, подрагивали, выдавая лёгкое волнение.

– Ваше лекарство готово, ваше благородие, – сказал он поручику. – Принимайте по пятнадцати капель на столовую ложку воды три раза в день.

Офицер кивнул, взял флакон и направился к двери. Но на пороге остановился:

– Скажите, господин аптекарь, вы не немец ли случаем?

В аптеке повисла тишина. Гильбих ощутил, как по спине пробежал холодок.

– Я российский подданный, господин поручик, – спокойно ответил он. – И служу России уже двадцать пять лет.

Поручик задумчиво кивнул и вышел. Голоса вновь наполнили помещение, работа закипела с прежней силой. Гильбих понимал: война с Германией превратит его фамилию в клеймо. Что это будет означать для него и семьи – он пока не знал.

За окнами всё ещё гремела демонстрация. Флаги развевались, люди кричали «ура», военный оркестр звучал всё громче. А внутри аптеки Карл Густавович Гильбих неуклонно выполнял своё призвание: отпускал лекарства по накладным и берёг порядок в своём маленьком, но отчаянно важном мире.

На втором этаже дома номер двенадцать царил иной мир – мир тишины, знаний и дисциплины. Класная комната Александры Александровны Гильбих была залита утренним светом, проникавшим сквозь высокие окна, выходящие на бульвар. В лучах кружились мельчайшие частицы меловой пыли, поднимавшиеся от доски всякий раз, когда рука хозяйки выводила очередную букву или цифру. Звуки с улицы доносились сюда приглушённо, словно класная комната существовала в ином измерении, где даже время текло иначе – размеренно, по строгим законам учебного процесса.

Александра Александровна стояла у доски, держа спину очень прямо. Высокая фигура в тёмно-синем платье с белым кружевным воротничком отбрасывала длинную тень на испи-санную мелом поверхность. Волосы, уложенные в строгий пучок на затылке, не выпускали ни единой пряди. На тонком пальце левой руки поблёскивало обручальное кольцо – единственное украшение, которое она позволяла себе во время занятий.

– Склонение существительных второго типа, – произнесла она размеренно, выписывая на доске образец. Мел скрипел, оставляя чёткий след. – Именительный падеж: стол. Родительный падеж: стола.

Двенадцать детей разного возраста сидели за потёртыми деревянными партами, расставленными в два ряда. Чернильницы были аккуратно вставлены в круглые отверстия, перья лежали параллельно краю. Ученики смотрели на спину учительницы с тем особым напряжением, которое возникает в классе, ждущем момента, когда наставница повернётся и обратит взор на кого-то из них. Этот взгляд – строгий, внимательный, проникающий – сразу видел все шалости, недоделанные уроки и непрочитанные страницы.

С улицы долетел обрывок музыки – военный оркестр играл марш. Рука Александры Александровны на мгновение замерла, а затем продолжила выписывать падежи с удвоенной тщательностью.

– Винительный падеж: стол. Творительный падеж: столом, – голос не дрогнул, но пальцы, сжимающие мел, побелели сильнее обычного.

Она развернулась к классу одним плавным движением. Светло-голубые глаза медленно скользнули по рядам, задерживаясь на каждом лице. Дети непроизвольно выпрямлялись под этим взглядом.

– Итак, кто мне скажет, как будет «карандаш» в предложном падеже? – спросила она и указала на рыжеволосого мальчика во втором ряду. – Петя Соколов?

Мальчик вскочил, задев коленями парту, отчего чернильница опасно качнулась.

– О карандаше, Александра Александровна! – выпалил он, судорожно теребя краешек гимназической курточки.

– Верно. Садитесь, – кивнула учительница и направилась между рядами. Звук шагов был размерен, как тиканье настенных часов в углу комнаты.

Под портретом императора, строго взиравшего на класс с позолоченной рамы, лежала стопка букварей с потрёпанными углами. Рядом – линейка из тёмного дерева, которой Александра Александровна порой постукивала по столу, призывая к тишине. Никогда – по рукам, как делали некоторые учителя. Дисциплина здесь держалась не на физическом страхе, а на чём-то более глубоком – на уважении, смешанном с трепетом перед её непоколебимой уверенностью.

С улицы вновь донеслись звуки марша, на этот раз громче, отчётливее. К музыке примешивались выкрики толпы, и в окно было видно, как по бульвару движется людская река с флагами и транспарантами. Александра Александровна подошла к окну, бросила взгляд на улицу и сразу вернулась к столу. Рука, когда она поправляла шпильку в волосах, чуть заметно дрожала.

– Откройте буквари на странице тридцать шесть, – произнесла она. – Прочтите текст «Наша Родина» про себя, а затем мы разберём его вместе.

Пока дети шелестели страницами, она села за стол и сложила руки перед собой. Идеальная осанка, ни одного лишнего движения. Только глаза время от времени обращались к окну, за которым разворачивалось зрелище проявления народного патриотизма.

– Немецкие шпионы везде, – донёсся шёпот с последней парты. Худенький мальчик в очках, сын мелкого чиновника из почтового ведомства, шептал соседу, приставив ладонь ко рту. – Мой папа говорит, их уже ловят и сажают в тюрьму.

Александра Александровна встала. Лицо не выражало эмоций, но что-то в углах плотно сжатых губ говорило о сильнейшем внутреннем напряжении. Она взяла со стола указку и одним движением опустила её на деревянную поверхность. Хлёсткий звук разрезал тишину класса.

– Михаил Семёнов, – произнесла она негромко, но каждый в комнате услышал эти два слова. – Встаньте.

Мальчик в очках медленно поднялся. Лицо его побледнело.

– В этом классе говорят только тогда, когда спрашивают, – сказала Александра Александровна. – И только о том, о чём спрашивают. Сядьте и прочтите текст, как было велено.

Мальчик сел, пряча глаза. Учительница прошла между рядами парт, проверяя, как идёт чтение. Шаги были твёрдыми, как всегда, но внутри нарастала тревога. Слово «немецкие» кольнуло, словно острие тонкой иглы. Двадцать лет она была Гильбих, двадцать лет носила фамилию мужа, не задумываясь о её звучании. И вот теперь эта фамилия могла стать клеймом.

– «Наша Родина – Россия...» – начала читать вслух девочка с косичками, вызванная к доске.

Александра Александровна слушала, кивая в такт правильно прочитанным фразам. Она смотрела на детские лица, на которых ещё не было тени подозрительности. Но долго ли это продлится? Что скажут родители *теперь*, зная, что их детей учит женщина с немецкой фамилией?

Шум демонстрации на улице становился громче. Чей-то зычный голос выкрикивал что-то о победе над врагом. Александра Александровна сжала руки под столом так, что побелели костяшки пальцев.

В гостиной дома Гильбихов царил полумрак, несмотря на яркий августовский день за окном. Тяжёлые бархатные шторы были задёрнуты наполовину, пропуская лишь узкие полосы света, которые ложились на персидский ковёр золотистыми лентами. В приглушённом освещении две фигуры на диване казались почти одинаковыми – будто зеркало отражало один и тот же образ.

Ксения и Евгения Гильбих, дочери-близнецы Карла Густавовича и Александры Александровны, сидели рядом, обе в платьях из светло-голубого батиста с одинаковыми кружевными воротничками. Волосы у обеих – каштановые, заплетённые в косы и уложенные вокруг головы короной. Одинаковые овальные лица, прямые носы, высокие скулы. На первый взгляд их невозможно было различить.

Но внимательный наблюдатель заметил бы тонкие различия. Ксения сидела чуть наклонившись вперёд, словно готовая в любой момент встать по чьему-то зову. Руки были сложены на коленях, пальцы нервно теребили маленький крестик на цепочке. Евгения же полулежала на диване, откинувшись на подушку, и взгляд её внимательно изучал комнату, словно каталогизируя каждую деталь.

Старинные часы на каминной полке пробили одиннадцать. Звук разнёсся по гостиной, заставив Ксению вздрогнуть и бросить быстрый взгляд в сторону двери. Евгения же лишь чуть повернула голову, наблюдая за реакцией сестры.

– Ты слишком нервничаешь сегодня, – заметила она, поправляя складку на платье. – Это всего лишь часы.

– Мне кажется, я слышала шаги, – ответила Ксения, прислушиваясь. – Там, в коридоре.

– Это может быть папа или Силантыч, – пожалала плечами Евгения. – Или никто. В этом доме постоянно что-то скрипит.

Ксения не ответила, но пальцы ее снова коснулись крестика. Движение было почти неосознанным, как дыхание.

Дверь гостиной открылась, и вошёл Илья Андреевич, семейный кучер, человек немногословный и мрачный. Он остановился у порога, переминаясь с ноги на ногу, явно смущённый необходимостью говорить с барышнями.

– Там это... – начал он, глядя куда-то мимо близнецов. – Демонстрация идёт. По бульвару. К военному училищу, рассказывают. Не знаю, можно ли будет проехать, если вам куда надо будет.

Ксения незаметно перекрестилась. Евгения же подалась вперёд, в её взгляде вспыхнул живой интерес.

– Большая демонстрация? – спросила она. – Что кричат?

– Всякое кричат, – нахмурился кучер. – «Ура» больше. Потом про победу над немцами... – он запнулся, вспомнив фамилию хозяев. – Народу много. Флаги несут.

– Спасибо, Илья Андреевич, – кивнула Евгения. – Если мы соберёмся выезжать, я предупрежу заранее.

Кучер поклонился и вышел, прикрыв за собой дверь. Как только звук его шагов затих в коридоре, Евгения повернулась к сестре.

– Что ты думаешь? – спросила она, внимательно изучая лицо Ксении.

– О чём? – Ксения опустила глаза, словно избегая этого пристального взгляда.

– Ты знаешь, о чём. О войне. О том, что теперь будет с нашей семьёй.

Сёстры замолчали. В тишине они обменялись взглядами, полными того особенного понимания, которое бывает только у близнецов – словно безмолвный разговор, непонятный для посторонних.

Ксения первой отвела глаза. Пальцы механически поправили складку на платье, точно так же, как минуту назад сделала Евгения. Это было одно из тех зеркальных движений, которые они совершали неосознанно, будто управляемые одним разумом.

– Я боюсь, – наконец произнесла Ксения тихо. – Папа... Его фамилия теперь...

– Папа двадцать пять лет служит России, – резко перебила её Евгения. – У него Георгиевский крест. Он российский подданный. Никто не посмеет...

– Люди не всегда разумны, – возразила Ксения. – Особенно толпа. Ты не видела, что было вчера у немецкого посольства? А у магазина Циммермана на Мясницкой?

Евгения поднялась с дивана одним плавным движением и подошла к окну. Отодвинув шторы, она посмотрела на улицу, где продолжалось шествие. Лицо её, обычно живое и выразительное, стало задумчивым.

– Посмотри, – позвала она сестру. – Они счастливы. Война для них – праздник.

Ксения неохотно подошла и встала рядом. Теперь, бок о бок, они казались неотличимыми – два силуэта на фоне светлого окна.

– Потому что они не знают, что такое война, – прошептала Ксения. – Папа знает. Он рассказывал...

Евгения вдруг взяла сестру за руку. Пальцы были тёплыми и твёрдыми.

– Что бы ни случилось, мы вместе, – сказала она. – Как всегда.

Ксения кивнула, но в глазах промелькнуло что-то странное – то ли сомнение, то ли предчувствие.

Карл Густавович поднимался по лестнице на второй этаж размеренным шагом человека, привыкшего контролировать каждое движение. В аптеке выдался редкий момент затишья, и он решил использовать его, чтобы проверить кое-что в кабинете наверху. Походка была точной – ни одного лишнего шага, ни единого ненужного поворота.

Коридор второго этажа встретил его прохладным полумраком и тишиной. Где-то в глубине дома слышались приглушённые голоса – вероятно, Мария Ивановна отдавала распоряжения по хозяйству. Из классной комнаты доносился размеренный голос Александры Александровны, диктующей диктант.

Карл Густавович миновал гостиную, бросив мимолётный взгляд на приоткрытую дверь. Дочери сидели у окна, глядя на улицу. Он хотел было окликнуть их, но передумал, заметив, с каким напряжением они всматриваются в происходящее на бульваре. Демонстрация всё ещё шла, судя по звукам.

Он продолжил путь по коридору, но когда дошёл до места, где стена делала небольшой изгиб, шаг замедлился. Здесь, в этом незначительном закутке, скрытом от случайных глаз, находилось то, что он не показывал никому – даже жене. Особенно жене.

Карл Густавович остановился и прислушался. Дом жил своей обычной жизнью, никто не обращал внимания на хозяина, стоящего у стены с бронзовым бра. Он бросил быстрый взгляд через плечо, убеждаясь, что коридор пуст, а затем осторожно повернул одну из веток канделябра на определённый угол.

Послышался тихий щелчок, и от стены потянуло лёгким сквозняком. Для случайного наблюдателя ничего не изменилось, но Карл Густавович знал, что теперь, если нажать на определённый участок стены, откроется потайная дверь, ведущая к узкой лестнице. Лестнице, спускающейся в тайную лабораторию.

Он протянул руку к стене, но замер, не завершив движения. От пальцев исходил едва уловимый запах химических реагентов – металлический привкус, который невозможно было

смыть обычным мылом. Ногти были чуть желтоваты, а на подушечках указательного и большого пальцев виднелись крошечные тёмные пятна – следы недавних экспериментов.

Глаза Карла Густавовича за стёклами очков на мгновение затуманились. В них отразилась внутренняя борьба, терзавшая его последние месяцы. С одной стороны – научное любопытство, толкавшее его к экспериментам, с другой – растущее беспокойство о последствиях.

Из глубины дома донёсся звук открывающейся двери. Карл Густавович мгновенно опустил руку и отступил от стены. Лицо приняло обычное выражение сдержанной серьёзности. Он поправил очки и продолжил путь по коридору, словно просто проходил мимо. Потайная дверь осталась закрытой, храня свою тайну.

Проходя мимо зеркала в конце коридора, он мельком взглянул на своё отражение. Статский советник Карл Густавович Гильбих, уважаемый фармацевт, управляющий казённой аптекой военного ведомства, муж и отец. Внешне – образец порядка и надёжности. Никто не мог догадаться о тайнах, которые он скрывал в глубинах дома и собственного сознания.

За окном продолжала греметь демонстрация. Война входила в жизнь Москвы, и в дом номер двенадцать она тоже войдёт, хотя и не так, как все ожидают.

Сумерки опускались на Москву медленно. В кабинете Карла Густавовича, расположенном в дальнем углу второго этажа, вечерний полумрак казался особенно густым и значительным. Пламя керосиновой лампы на письменном столе отбрасывало неровный свет на лицо статского советника, высвечивая глубокие морщины на лбу и придавая чертам странное, почти потустороннее выражение.

Карл Густавович сидел неподвижно, глядя перед собой на лежащий на столе конверт. Белая плотная бумага с императорской печатью казалась неуместной среди научных журналов и фармацевтических справочников, аккуратными стопками разложенных по столу. Эти стопки он выравнивал каждое утро, прежде чем спуститься в аптеку, и каждый вечер, вернувшись наверх – ритуал, создающий иллюзию того, что мир упорядочен и подчиняется законам логики.

Стены кабинета были увешаны дипломами и свидетельствами о научных достижениях, но между ними в скромной деревянной раме висел портрет человека с длинной бородой и пронзительным взглядом – Парацельс, алхимик и врач, живший четыреста лет назад. Этот портрет, написанный по старинной гравюре, Карл Густавович заказал у художника, и каждый раз, когда его взгляд падал на изображение, он испытывал странное чувство родства с этим человеком, отвергнутым официальной наукой своего времени.

Шкаф у дальней стены кабинета всегда был заперт. Ключ от него Карл Густавович носил на цепочке вместе с карманными часами. За полированными дверцами из чёрного дуба скрывались книги, которые он никогда не показывал ни коллегам, ни семье: древние трактаты по алхимии, рукописи на латыни, арабские тексты о превращении металлов и философском камне, переведённые и переписанные его собственной рукой. Среди них были и личные записи – результаты тридцати лет тайных экспериментов, проводимых в лаборатории, о существовании которой не знал никто.

Карл Густавович взял конверт со стола, рука его слегка дрожала. Сквозь стёкла очков глаза казались увеличенными, в них читалась смесь эмоций: ожидание, страх и что-то ещё – что-то, напоминающее азарт игрока, поставившего на кон всё. Бледные тонкие пальцы, привыкшие отмерять миллиграммы порошков и капли настоек, осторожно коснулись сургучной печати.

Пятьдесят три удара сердца – он невольно считал их, прислушиваясь к пульсу, отдававшемуся в висках, – и печать была сломана. Лист бумаги с императорским гербом, извлечённый из конверта, зашуршал в руках. Аккуратный, изящный почерк великого князя Михаила Александровича, брата государя императора, выглядел почти по-женски нежным на фоне официальной бумаги.

«Дорогой Карл Густавович!

Пишу, чтобы известить Вас о моём предстоящем визите в Москву. События последних дней, как Вы понимаете, требуют присутствия членов императорской фамилии в древней столице, дабы поднять дух жителей в эти непростые времена.

Помня наши плодотворные беседы о свойствах материи и перспективах современной науки, я был бы рад возобновить их в ходе моего пребывания в городе. Вопросы, которые мы обсуждали при нашей последней встрече, не перестают занимать мой ум, и, признаюсь, некоторые Ваши идеи о трансмутации органических элементов показались мне заслуживающими дальнейшего изучения.

Позвольте известить Вас, что я планирую посетить Ваш дом на Чистопрудном бульваре в скором времени, если Вы не будете против.

С искренним уважением и надеждой на скорую встречу,
Михаил»

По мере чтения лицо Карла Густавовича менялось. Сначала оно просветлело – одобрение члена императорской фамилии, давнего знакомца и покровителя льстило самолюбию. Затем глаза потемнели, в них мелькнуло беспокойство – что, если визит князя привлечёт нежелательное внимание? А потом, когда взгляд дошёл до строк о «трансмутации органических элементов», на лбу проступила испарина, а жилка на виске запульсировала заметно сильнее.

«Он помнит, – пронеслось в голове. – Помнит всё, что я ему рассказывал в тот вечер». Карл Густавович провёл рукой по влажному лбу, вспоминая приём в доме князя Юсупова, куда его пригласили как поставщика редких лекарственных препаратов. Великий князь Михаил, младший брат государя, известный своими интеллектуальными интересами, вдруг проявил неожиданное внимание к скромному фармацевту, когда разговор зашёл о новейших научных теориях. Они проговорили весь вечер, уединившись в библиотеке, и, увлечённый вниманием высокого собеседника, Карл Густавович рассказал чуть больше, чем следовало бы.

Теперь, три месяца спустя, эти слова возвращались к нему. Великий князь запомнил. Великий князь заинтересовался. Великий князь хочет увидеть больше.

Карл Густавович прижал письмо к груди, словно пытаясь физически ощутить его значимость. Затем аккуратно сложил лист по изначальным линиям сгибов и убрал во внутренний карман сюртука. Прикосновение бумаги к коже сквозь тонкую ткань рубашки казалось горячим, почти обжигающим.

Мысли роились в голове. Что показать князю? Что рассказать? Насколько можно быть откровенным? Нет, не стоит думать об этом сейчас.

Взгляд Карла Густавовича невольно скользнул к дальнему углу кабинета, где за книжным шкафом скрывался главный вход в лабораторию. Механизм в коридоре, который он активировал часом ранее, лишь снимал блокировку – предосторожность на случай, если кто-то случайно обнаружит потайную дверь в кабинете. Без предварительной разблокировки она не открылась бы, сколько ни нажимаешь на скрытый выступ. Двойная защита, придуманная им самим тридцать лет назад.

Он должен проверить. Сейчас. Немедленно.

Поднявшись из-за стола, Гильбих подошёл к шкафу, отодвинул его с неожиданной для пожилого человека силой и нажал на едва заметный выступ в стене. Раздался тихий щелчок, и часть стены отошла внутрь, открывая проход вниз. Холодный воздух, пахнувший сырым камнем и чем-то ещё – металлическим, терпким, напоминающим запах крови, ударил в лицо.

Карл Густавович взял со стола керосиновую лампу и начал спускаться по узким ступеням, высеченным прямо в камне. Шаги были уверенными – он ходил здесь так часто, что мог бы найти дорогу и в полной темноте. Свет лампы отбрасывал причудливые тени на стены узкого прохода.

Лестница заканчивалась небольшой площадкой перед массивной железной дверью с замком сложной конструкции. Гильбих извлёк из жилетного кармана связку ключей, выбрал один

– длинный, с затейливой бородкой – и вставил в замочную скважину. Замок открылся с тихим скрежетом, дверь подалась внутрь.

Помещение было гораздо просторнее, чем можно было предположить, глядя на дом снаружи. Оно уходило под всё здание, а возможно, и дальше, под бульвар. Своды из грубо обтёсанного камня поддерживали колонны, напоминавшие древние языческие храмы. Пол был выложен каменными плитами, потемневшими от времени. Между ними виднелись неглубокие бороздки – следы многолетних экспериментов, когда пролитые химические жидкости медленно разъедали поверхность.

По стенам тянулись деревянные полки, уставленные стеклянными сосудами разных форм и размеров. В некоторых плавали заспиртованные образцы – растения, органы животных и предметы, природу которых невозможно было определить с первого взгляда. Другие содержали порошки и жидкости всех цветов. Особняком стояли тяжёлые фолианты с кожаными корешками – книги, слишком опасные даже для запертого шкафа наверху.

В центре лаборатории находился огромный каменный стол, заваленный инструментами: колбы, реторты, перегонные кубы, весы с набором гирь, ступки для растирания веществ. Рядом – жаровня с тлеющими углями, над которой на металлическом штативе был установлен стеклянный сосуд с мутной жидкостью.

Но главным объектом в помещении был большой чан в дальнем углу, стоящий на возвышении из камня. Он был сделан из меди, но странным образом не имел характерного металлического блеска – поверхность казалась матовой. От чана отходили многочисленные трубки, соединённые с баками и колбами, образуя сложную систему циркуляции. Внутри что-то пульсировало, испуская слабое, но заметное свечение – бледно-голубое.

Карл Густавович подошёл к чану медленно, с благоговением. Лицо его, освещённое снизу этим странным светом, казалось белым и неживым, но в то же время исполненным напряжённого ожидания.

Он осторожно поставил лампу на каменный постамент рядом с чаном и склонился над ним, вглядываясь в пульсирующую массу. Губы зашевелились, произнося слова, которые он не решался сказать вслух даже здесь, в полной изоляции от мира:

– Скоро, – прошептал он так тихо, что это было, скорее, дыхание, чем речь. – Скоро ты появишься, и мир изменится.

В синеватом свете, исходящем от содержимого чана, глаза за стёклами очков казались глазами существа, уже не принадлежащего к миру людей.

Глава 2

Содержимое чана пульсировало в такт своему неслышному ритму. Карл Густавович наблюдал за этим биением с благоговением естествоиспытателя, стоящего на пороге великого открытия. Бледно-голубое свечение жидкости отражалось в стёклах его очков, делая глаза похожими на два озерца в сумраке подземной лаборатории. Тридцать лет исследований, тридцать лет тайных экспериментов вели к этому моменту – к этой пульсации, обещающей скорое рождение чуда. Или чудовища. Впрочем, граница между ними всегда была условной, особенно для тех, кто осмеливался нарушать установленный порядок вещей.

Гильбих медленно выпрямился и провёл рукой по лбу, стирая испарину. Огляделся по сторонам, будто очнувшись от транса, и направился к столу, где лежал раскрытым журнал наблюдений. Чернила на последней записи ещё не высохли:

«31 июля 1914 года, 23 часа 15 минут. Добавлен второй дистиллят экстракта белладонны. Отмечено усиление люминесценции. Пульсация стабильна, 72 колебания в минуту».

Взяв перо, Гильбих аккуратным почерком вывел:

«1 августа 1914 года, 21 час 47 минут. Температура содержимого – 37,2 градуса по Цельсию. Интенсивность свечения возросла. Пульсация участилась до 76 колебаний в минуту. Ожидается завершение инкубации».

Отложив перо, он вынул из жилетного кармана термометр и направился обратно к чану. Каждый шаг отдавался гулким эхом под сводами лаборатории, высеченной в известняке под домом. Здесь, под толщей земли, время останавливалось, и Карл Густавович чувствовал себя отрезанным от суеты внешнего мира, от нарастающего военного психоза, от вечной гонки часовых стрелок. Только он и его Великое Дело.

Погрузив термометр в пульсирующую жидкость, Гильбих засёк время по карманным часам. Ровно минута. Эксперименты его всегда отличались точностью исполнения – каждый шаг, каждое движение было выверено и просчитано. Фармацевтическое образование и годы работы с ядами и лекарствами научили его предельной аккуратности – малейшая ошибка могла стоить жизни пациенту. И ту же дисциплину он перенёс в алхимические опыты.

Вынув термометр, поднёс его к свету керосиновой лампы. Ртутный столбик замер на отметке 37,1 градуса – идеальная температура человеческого тела. Кивнув своим мыслям, Гильбих подошёл к термостату на стене и подкрутил регулятор.

В центре лаборатории на возвышении стояла искусственная матка из богемского стекла, оплетённая сетью медных трубок. Внутри плавала гуманоидная фигура, пока ещё не обретшая чётких очертаний, – размытый силуэт в мутной жидкости, похожий на эмбрион, но размером с десятилетнего ребёнка. Руки и ноги намечены, голова сформирована, но черты лица неразличимы.

Гильбих осторожно повернул латунный вентиль. Медные насосы увеличили темп, и вся система труб начала пульсировать сильнее. Он проверил соединения, осмотрел клапаны, протёр влажной тряпкой запотевшее стекло. Сквозь прозрачные стенки был виден развивающийся организм, который уже не являлся просто сгустком вещества, но ещё не стал полноценным существом. Нечто промежуточное, находящееся на границе между неживой материей и жизнью.

Вернувшись к столу, Карл Густавович раскрыл другую книгу – фолиант в кожаном переплёте с пожелтевшими страницами, исписанными на латыни и немецком, с вкраплениями странных символов, напоминающих египетские иероглифы. Это был его личный дневник экспериментов, начатый ещё в 1884 году, когда молодой фармацевт впервые обнаружил в подвале старого дома странную рукопись.

Он перелистывал страницы, и перед его внутренним взором проходили образы тридцатилетнего пути. Вот он, ещё совсем молодой, с чёрной бородкой и без очков, с азартом переводит алхимические манускрипты Парацельса. Вот первые опыты с металлами – примитивные, наивные попытки трансмутации, обречённые на неудачу. Вот момент прозрения, когда он вдруг понял, что истинная цель алхимии – не золото из свинца, а создание жизни из неживой материи. *Homunculus* – искусственный человек, о котором писали древние мастера.

Гильбих посмотрел на даты своих записей. 1889 год – первая попытка, катастрофический провал. Смердящая масса органического вещества, которую пришлось уничтожить. 1895 год – появление первого подобия тканей, но без признаков жизни. 1901 год – пульсирующий сгусток, просуществовавший три дня. 1907-й – формирование органов, хотя и нежизнеспособных. И вот теперь, в 1914-м, казалось, он стоял на пороге успеха.

Карл Густавович вернулся к чану и снова погрузился в созерцание своего творения.

Всё началось в университетские годы, когда молодой студент-фармацевт обнаружил в библиотеке старинные фолианты по алхимии. Сначала это было просто академическое любопытство – история химии, истоки науки, которой он посвятил жизнь. Но постепенно Карл Густавович начал находить в старых текстах то, что ускользало от внимания других исследователей, – закодированные послания, спрятанные между строк.

Парацельс, Альберт Великий, Роджер Бэкон – все они писали о трансмутации металлов, но для Гильбиха стало очевидным, что это лишь внешняя оболочка, скрывавшая более глубокие истины. Постепенно он научился читать между строк, расшифровывать тайные символы, понимать истинный смысл аллегорий.

Самым ценным приобретением стала рукопись самого Парацельса – подлинная, не копия, купленная за баснословные деньги у разорившегося коллекционера. Манускрипт содержал детальные инструкции по созданию гомункула – искусственного человека, выращенного в специальной колбе. Большинство учёных считали это фантазией или метафорой, но Карл Густавович увидел в тексте научные идеи, опередившие время.

Он потратил годы, переводя манускрипт, отделяя рациональное зерно от мистических наслоений. Каждый вечер, после работы в аптеке, Гильбих спускался в свою тайную лабораторию, оборудованную на деньги от фармацевтических патентов. Пока жена и дочери спали, он проводил эксперименты, смешивая вещества, которые никто до него не пробовал соединять.

Гильбих понимал, что старые алхимики видели цель верно, но ошибались в средствах. Они не обладали современными знаниями о химическом составе организмов, о клеточном строении тканей, о физиологических процессах. Он же соединял алхимические идеи с новейшими достижениями биологии и химии. Где древние мастера полагались на астрологические соответствия, Карл Густавович использовал точные пропорции и химические реакции.

Главной инновацией стало понимание роли электричества в жизненных процессах. Ещё со времён Гальвани было известно, что электрический ток вызывает сокращение мышц мёртвых животных, но Гильбих пошёл дальше. Он создал систему, имитирующую электрические импульсы нервной системы, и интегрировал её в свой аппарат. Медные проводники, проходящие через питательную смесь, передавали слабые разряды, стимулируя развитие нервных тканей.

Карл Густавович отошёл от чана и направился к шкафу с реагентами. Там, на верхней полке, в запечатанной колбе хранился компонент, без которого невозможно было завершить процесс, – экстракт желёз внутренней секреции, добытый из тел недавно умерших людей. Этот ингредиент был его величайшей тайной и величайшим грехом. Даже в своём дневнике он не указывал прямо, как и где добывал его. Некоторые тайны лучше унести с собой в могилу.

Гильбих вернулся к столу, раскрыл дневник на чистой странице и написал: «Завтра – добавление последнего компонента. Через три дня – пробуждение». Рука дрожала, когда он выводил эти слова. Дрожала не от страха, а от предвкушения и осознания ответственности. Он

собирался создать новую форму жизни – не просто копию человека, а нечто большее. Существо, свободное от болезней, старения, моральных ограничений.

Закрыв дневник, Карл Густавович подошёл к стеллажу с книгами. Среди пыльных томов выделялся один – в богато украшенном переплёте с золотым тиснением. «De Natura Rerum» Парацельса, книга, что положила начало его исследованиям. Гильбих осторожно вынул фолиант, раскрыл его и пробежал глазами знакомые строки на латыни:

«Homunculi nec ex nihilo creantur, nec ex alio geniti sunt, sed nascantur ex semetipsis...»

«Гомункулы не создаются из ничего, не рождаются другими, но происходят сами из себя...»

Карл Густавович знал, что ошибка средневековых алхимиков была именно в этом постулате. Жизнь не могла возникнуть сама собой из неорганической материи. Требовался катализатор – живая ткань, уже несущая в себе принцип жизни. Именно поэтому все его ранние опыты, основанные на строгом следовании древним рецептам, проваливались. Лишь когда он дополнил их современными научными методами, добавил органические компоненты и электрические импульсы, процесс сдвинулся с мёртвой точки.

Гильбих захлопнул книгу и вернул её на полку. Там же, рядом с трудами Парацельса, стояли научные журналы последних лет – работы по эмбриологии, клеточной биологии, электрофизиологии. Сочетание древней мудрости с новейшими открытиями – вот что отличало его подход.

Вернувшись к чану, Карл Густавович последний раз проверил температуру и настроил регуляторы на ночь. Существо в матке медленно пульсировало. Ещё не человек, но уже не просто материя.

– Скоро, – прошептал Гильбих, обращаясь к своему творению. – Через три дня ты откроешь глаза.

Подняв лампу, он направился к выходу. Железная дверь закрылась за ним с тяжёлым скрежетом. Поднимаясь по узкой лестнице, Карл Густавович думал о предстоящем визите великого князя. Что он покажет высокому гостю? Насколько можно быть откровенным?

Или, что более важно, готов ли к этому он сам?

Следующим вечером Карл Густавович вновь спустился в лабораторию, неся с собой маленький деревянный ящик, закрытый на медный замочек. В нём хранился последний компонент великого эксперимента – стеклянная пробирка с тёмно-красной жидкостью, извлечённой из его собственной вены всего час назад. Кровь создателя, смешанная с экстрактами желёз, должна была стать катализатором, который превратит почти готовое существо в живой организм.

Гильбих установил лампу на каменный выступ и обошёл чан, проверяя показания приборов. Термометр указывал стабильные 37,2 градуса. Он сверил время по карманным часам и раскрыл журнал наблюдений.

«2 августа 1914 года, 22 часа 13 минут. Введение финального компонента – активатора жизненной силы».

Этим эвфемизмом он обозначал смесь, о настоящем составе которой не решался писать даже в тайном дневнике. Гильбих подошёл к шкафу с реактивами и извлёк несколько пузырьков с тщательно выверенными дозами солей. Каждый компонент он отмерял на аналитических весах, фиксируя массу до миллиграмма. За тридцать лет экспериментов он установил идеальное соотношение, подражающее электролитному балансу человеческой плазмы.

Поставив на спиртовку стеклянный стакан, он смешал соли с дистиллированной водой, нагрел раствор до выверенной температуры, постоянно помешивая стеклянной палочкой. Процесс был отточен годами практики. Порядок смешивания компонентов, продолжительность нагрева – всё имело значение. Любое отклонение означало бы гибель созревающего гомункула.

Карл Густавович осторожно извлёк из ящика пробирку с собственной кровью. Древний алхимик настаивал на использовании «жизненной силы» животного происхождения, но Гильбих знал, что человеческая кровь содержит белковые факторы, необходимые для завершения эксперимента.

Когда раствор солей достиг нужной температуры, он оставил его остывать и достал ещё один флакон – с экстрактом эндокринных желёз. Этот компонент хранился в специальном контейнере со льдом. Карл Густавович взглянул на тёмно-коричневую жидкость, поднёс её к свету. Внутри плавали крошечные частицы ткани, извлечённые из тел недавно умерших людей.

Воспоминание о том, как он добывал этот экстракт, заставило его на мгновение замереть. Четыре года назад, когда стало ясно, что эксперименту требуется человеческий материал, Карл Густавович нашёл необычного союзника. Василий Петрович, прозектор Мариинской больницы, был одновременно высококвалифицированным патологоанатомом и законченным пьяницей. За бутылку хорошего французского коньяка и несколько золотых монет этот человек был готов нарушить не только врачебную этику, но и уголовный кодекс.

– Господин Гильбих, вы, конечно, понимаете, что я рискую не только местом, но и свободой, – говорил прозектор, вытирая кровь с рук грязным полотенцем.

– Разумеется, Василий Петрович. Но и вознаграждение соответствующее, – отвечал Гильбих, стараясь не морщиться от запаха спирта, исходившего от собеседника.

– На ваше счастье, сегодня привезли молодую особу. Чохотка в последней стадии. Ей было от силы двадцать.

– Репродуктивная система полностью сформирована?

– Не извольте сомневаться. Яичники как на картинке из анатомического атласа.

Карл Густавович помнил этот разговор до мельчайших деталей. Помнил холод морга, серый свет, проникавший сквозь грязные окна, и тело молодой женщины на столе. Тёмные волосы, заострившиеся черты лица, синева вокруг глаз. Её звали Груня, ей было двадцать, и она умерла без родственников в приюте для чахоточных.

В ту ночь он впервые переступил черту, отделяющую науку от преступления. С хирургической точностью извлёк яичники умершей, поместив их в специальный контейнер с консервирующим раствором. Позже, в своей лаборатории, Гильбих выделил яйцеклетки и сохранил их для будущего эксперимента.

Сейчас, глядя на тёмную жидкость в пробирке, он испытывал странную смесь вины и научного восторга. Без этого материала эксперимент никогда не продвинулся бы так далеко.

Карл Густавович тщательно смешал экстракты с солевым раствором, добавляя компоненты капля за каплей. Затем влил приготовленную смесь в специальную воронку, соединённую с системой труб, ведущих к искусственной матке. Медный кран повернулся с лёгким скрипом, позволяя жидкости течь по назначению.

Пока смесь медленно поступала в чан, Гильбих вновь погрузился в воспоминания. Он вспомнил момент, когда впервые увидел деление оплодотворённой клетки под микроскопом. Это произошло девять месяцев назад – срок, равный естественному периоду беременности. Он специально выбрал такую длительность процесса, хотя теоретически мог ускорить его. Что-то подсказывало ему, что природный ритм нельзя нарушать.

В тот вечер в ноябре 1913 года он сидел, склонившись над мощным микроскопом, изготовленным по специальному заказу в Йене. Перед ним в стеклянной чашке Петри лежали две клетки – яйцеклетка молодой женщины и его собственное семя.

Добыча этого второго компонента далась Карлу Густавовичу труднее, чем он мог предположить. Не физически – технически процедура была проста. Но он, воспитанный в строгих лютеранских традициях, никогда в жизни не занимался рукоблудием. Даже в отрочестве, когда тело требовало разрядки, он умирал его холодными обливаниями и молитвой, как учил отец. Теперь же, в пятьдесят с лишним лет, ему пришлось совершить то, что он всю жизнь считал

постыдным грехом. Он заперся в лаборатории, погасил все лампы, кроме одной, и долго не мог заставить себя прикоснуться к собственному телу. Когда наконец это произошло, Гильбих чувствовал себя так, будто предаёт всё, во что верил. Но наука требовала жертв, и эта жертва была ничтожна по сравнению с тем, что он уже совершил в морге Мариинской больницы.

Оплодотворение под микроскопом было технически сложной операцией, требовавшей предельной концентрации. Используя тончайшие стеклянные инструменты, Карл Густавович осторожно манипулировал клетками, создавая идеальные условия для их соединения. Когда процесс был запущен, он не отрывался от микроскопа шестнадцать часов, наблюдая первые деления.

Первый месяц эмбрион был не более булавочной головки. Гильбих каждый день спускался в лабораторию, проверял температуру питательного раствора, регулировал его состав, делал записи в журнале наблюдений.

«3 декабря 1913 года. Сформирована нервная трубка. Питательный раствор изменён согласно формуле №3».

«17 декабря 1913 года. Наблюдается формирование первичного сердца. Пульсация – 90 ударов в минуту».

«2 января 1914 года. Сформированы зачатки конечностей. Эмбрион реагирует на электрические импульсы».

Месяц за месяцем Карл Густавович наблюдал, как сгусток клеток превращается в эмбрион, а затем принимает всё более человеческие очертания. К марту появились пальцы на руках и ногах. В апреле сформировались внешние половые органы – женские, как отметил Гильбих в своём дневнике, не испытывая ни удивления, ни разочарования. В июне эмбрион уже открывал и закрывал глаза, сосал большой палец, демонстрировал сложные рефлексы.

Каждый этап развития требовал корректировки состава питательной среды. Карл Густавович создал систему, имитирующую работу плаценты, – смесь, состав которой менялся в зависимости от стадии развития.

Вся эта система требовала постоянного контроля. Трижды в день, невзирая на погоду, самочувствие или обязанности в аптеке, он спускался в лабораторию для проведения измерений. Записывал температуру с точностью до десятой доли градуса, проверял кислотность среды, отмечал изменения в развитии эмбриона.

Немецкая дисциплинированность, привитая ему с детства отцом-полковником, стала залогом успеха. Даже в дни, когда он чувствовал себя больным или уставшим, даже когда семейные обязанности требовали внимания, Гильбих не позволял себе отступить от установленного графика. «Дисциплина важнее вдохновения», – повторял он фразу отца, заставляя себя подняться с постели в три часа ночи, чтобы проверить показания приборов.

Иногда, проводя эти ночные проверки, Карл Густавович слышал шаги на втором этаже. Александра Александровна тоже страдала бессонницей. Она никогда не спрашивала, куда он уходит по ночам, что делает в подвале, почему иногда от его одежды пахнет формалином или эфиром. Между ними существовало негласное соглашение: он не вмешивается в её учебное заведение, она не задаёт вопросов о его научных изысканиях.

И всё же она знала. Карл Густавович был уверен в этом. Такая умная, наблюдательная женщина не могла не заметить странностей в поведении мужа, не сделать выводов из обрывков разговоров. Их брак давно превратился в сосуществование двух интеллектуальных одиночек, объединённых общим домом и детьми, но имеющих отдельные цели.

Иногда, особенно в последние месяцы, Карл Густавович ловил на себе странный взгляд жены – испытующий, настороженный. Но Александра Александровна молчала, сохраняя видимость нормальной семейной жизни.

Сейчас, слушая, как капли жидкости медленно падают из воронки в трубку, ведущую к искусственной матке, он вдруг услышал скрип половиц наверху. Размеренные, тяжёлые шаги

– жена ходила по спальне, вероятно, проверяя перед сном, закрыты ли окна. Эти привычные звуки напомнили ему о жизни наверху – о роли отца семейства, уважаемого фармацевта, статского советника. Жизни, всё больше казавшейся иллюзией, маской, под которой скрывался истинный Карл Густавович Гильбих – алхимик, создатель нового существа, человек, преступивший границы дозволенного.

Последние капли питательной смеси упали в воронку. Гильбих проверил систему труб на предмет утечек, убедился, что все клапаны работают исправно. Затем подошёл к искусственной матке и протёр запотевшее стекло чистой тряпкой.

Внутри плавало существо, теперь уже полностью сформированное. Гуманоидная фигура, размером с десятилетнего ребёнка, с бледной, почти прозрачной кожей, через которую просвечивали кровеносные сосуды. Волосы – тонкие, бесцветные – парили вокруг головы. Глаза были закрыты, но под веками виднелись движения глазных яблок, как у спящего человека. Черты лица отдалённо напоминали молодую женщину, чьи яйцеклетки послужили основой для эксперимента, но было в них и что-то от самого Карла Густавовича – форма лба, линия скул.

Существо не было человеком в полном смысле этого слова. Его анатомия имела определённые отличия – более тонкие конечности, увеличенная голова, изменённые пропорции тела. Но оно не было и чудовищем из готических романов. Существо обладало странной, неземной красотой, которая одновременно и притягивала, и пугала.

Карл Густавович прикоснулся к стеклу. Под пальцами была лишь холодная поверхность, но ему казалось, что он ощущает тепло, исходящее от существа внутри. Он ещё не решил, как назовёт своё творение. В дневнике обозначал его как «Субъект А» или просто «Эксперимент», но эти холодные научные термины не соответствовали тому, что он чувствовал, глядя на это существо.

– Кто ты? – прошептал он, не ожидая ответа. – Что ты такое?

Существо внутри матки вдруг шевельнулось. Глаза оставались закрытыми, но пальцы дрогнули, будто в ответ на голос своего создателя. Карл Густавович отшатнулся. Согласно его расчётам, гомункул не должен был проявлять признаков сознательной активности ещё как минимум две недели.

Он быстро вернулся к столу и записал наблюдение в журнал: «12 августа 1914 года, 23 часа 05 минут. Зафиксировано произвольное движение верхних конечностей в ответ на внешний звуковой раздражитель. Процесс развивается быстрее, чем предполагалось».

Следующей записью было: «Финальная подготовка к активации завершена. Ожидаемое время пробуждения – 15 августа 1914 года, приблизительно полночь».

Он закрыл журнал и задумался. Пятнадцатое августа – праздник Успения Богородицы. В этом совпадении было что-то символическое, хотя Карл Густавович не верил в знаки. Визит великого князя Михаила Александровича был назначен на 17 августа, на четыре часа пополудни. Это означало, что у него будет около сорока часов между пробуждением гомункула и визитом высокого гостя – время, чтобы убедиться в успешности эксперимента и подготовить презентацию.

Мысль о том, что он скоро представит результаты исследований члену императорской фамилии, наполняла его одновременно гордостью и страхом. Это было признание его гения, но и огромная ответственность. Как отреагирует великий князь? Что будет дальше?

Карл Густавович ещё раз проверил показания всех приборов, убедился, что система жизнеобеспечения работает стабильно. Температура, давление, состав среды – всё было в пределах установленных параметров. Теперь оставалось только ждать.

Он потушил лишние лампы, оставив только одну, создававшую мягкий полумрак в лаборатории. Синеватое свечение, исходящее от искусственной матки, отбрасывало причудливые тени на каменные стены.

Наверху снова слышались шаги. Александра Александровна ещё не легла спать. Карл Густавович посмотрел на карманные часы – почти полночь. Пора было возвращаться в мир людей, оставив своё творение дозревать в тишине подземной лаборатории.

Он бросил последний взгляд на искусственную матку, на плавающую внутри фигуру, на пульсирующие трубки, по которым бежала питательная жидкость. Затем взял лампу и направился к выходу.

Железная дверь, как всегда, закрылась за ним с тяжёлым скрежетом.

Следующие три дня тянулись мучительно медленно. Карл Густавович спускался в лабораторию каждые четыре часа, проверяя показания приборов и записывая наблюдения. Существо в матке становилось всё более беспокойным – вздрагивало, поворачивало голову, сжимало и разжимало пальцы. Дважды Гильбих замечал, как под закрытыми веками металась глазные яблоки с такой интенсивностью, будто гомункул видел сны.

Наверху жизнь шла своим чередом. Александра Александровна готовилась к новому учебному году, близнецы обсуждали осенние наряды, в аптеке продолжалась обычная работа. Никто не замечал, что хозяин дома почти не спит, что руки его слегка дрожат, что взгляд становится всё более лихорадочным.

В ночь на пятнадцатое августа, когда колокольный звон далёких церквей возвещал о начале праздника Успения Богородицы, Карл Густавович Гильбих спустился в подземную лабораторию в последний раз перед завершением великого эксперимента. Шаги его по каменным ступеням были неровными, будто ноги отказывались нести тело к месту, где должна была свершиться судьба. Тяжёлая железная дверь закрылась за ним с глухим стуком, отрезая последнюю связь с привычным миром наверху.

Звук церковных колоколов едва проникал сквозь толщу земли, но Карл Густавович всё равно различал его – тихий, далёкий. Он знал, что наверху верующие собираются на ночную службу, славя Матерь Божию, а здесь, в сумраке подземелья, он собирался пробудить жизнь, созданную без участия женщины и Бога.

– Двенадцать минут после полуночи, – пробормотал Гильбих, сверяясь с карманными часами. – Пора начинать.

Руки дрожали так сильно, что пришлось дважды попытаться, прежде чем удалось зажечь керосиновую лампу. Свет выхватил из темноты искусственную матку – огромную стеклянную колбу, где в голубоватой жидкости плавало его творение. За три дня, прошедших с момента введения последнего компонента, существо значительно изменилось. Теперь оно напоминало спящую женщину, идеально сформированную, но всё ещё связанную с системой питательных трубок.

Карл Густавович вытер пот со лба. Последние ночи он почти не спал, поднимаясь каждые два часа, чтобы проверить показания приборов, каждый раз ожидая увидеть катастрофу – остановку сердца, разрыв сосудов, отмирание тканей. Но существо продолжало развиваться, превосходя все ожидания.

Гильбих подошёл к лабораторному столу, где были аккуратно разложены инструменты для завершающей стадии. Пинцеты, ножницы, скальпель – всё было стерилизовано в спиртовом пламени и уложено на чистое полотенце. Рядом стояла бутылка с физиологическим раствором, нагретым до тридцати семи градусов.

– Сначала дыхание, – прошептал он себе под нос, подходя к системе насосов и клапанов. – Затем циркуляция... и только потом разрез.

Пальцы медленно повернули первый вентиль. По системе труб с тихим шипением побежал воздух, насыщая питательный раствор кислородом. Существо внутри колбы не отреагировало видимым образом, но приборы показали учащение пульса.

– Хорошо, – кивнул сам себе Гильбих. – Теперь циркуляция.

Второй вентиль запустил насосы, изменяя скорость движения питательной жидкости. Это должно было стимулировать сердечно-сосудистую систему, готовя её к самостоятельной работе. Стрелки манометров дрогнули и замерли на новых отметках. Капли пота стекали по вискам Карла Густавовича, попадая в глаза, но он не замечал этого, полностью поглощённый процессом.

Сосредоточенно отсчитывая минуты по карманным часам, Гильбих наблюдал, как организм внутри матки реагирует на изменения в среде.

Когда прошло ровно семнадцать минут – время, вычисленное им после десятков экспериментов на животных, – Карл Густавович подошёл к колбе с большим медным ключом в руке. Этот ключ открывал сливной клапан, через который должна была выйти питательная жидкость.

– Сейчас... – прошептал он, закрывая глаза на мгновение. – Сейчас.

Вставив ключ в замочную скважину, скрытую под панелью в основании колбы, Гильбих резко повернул его. Раздался звук, напоминающий всхлип, и голубоватая жидкость устремилась в канализационный сток, скрытый под каменным полом лаборатории.

Уровень жидкости неуклонно снижался – слишком медленно для нетерпения, слишком быстро для готовности. Сначала показалась макушка с короткими тёмными волосами, прилипшими к черепу. Затем – лоб, высокий и гладкий, без единой морщины. Карл Густавович смотрел, не моргая, и чувствовал, как пересыхает во рту, а язык становится шершавым и чужим.

Жидкость опустилась ниже, обнажая закрытые глаза – веки тонкие, с едва заметной сеткой капилляров, ресницы слипшиеся. Нос прямой, классических пропорций. Губы бледные, но полные, с чётко очерченным контуром. Лицо было красивым, но красота эта тревожила, как тревожит совершенство восковой фигуры.

Показались плечи – узкие, с хрупкими ключицами, проступающими под кожей. Затем грудь. Карл Густавович почувствовал, как кровь приливает к лицу, и отвёл взгляд, но тут же заставил себя смотреть снова. Он был учёным. Это был эксперимент. Перед ним – объект исследования.

Но объектом это не было. Грудь небольшая, высокая, с розовыми сосками, затвердевшими от прикосновения воздуха. Талия тонкая. Живот плоский, с едва заметной впадинкой пупка – и это поразило его, потому что пуповины не было, он не предусматривал пуповины, откуда же пупок?

Жидкость продолжала уходить, обнажая округлые бёдра, гладкий лобок без единого волоска, как у ребёнка, но взрослых пропорций. Между ног было то, что делало существо женщиной, и Карл Густавович заставил себя отметить это как научный факт, но руки у него дрожали, и он понимал, что дрожат они не от холода и не от усталости.

Далее показались бёдра, колени, икры, щиколотки, ступни. Последние капли жидкости стекли по пальцам ног, и существо осталось стоять в пустой колбе, опираясь спиной на стеклянную стенку. Глаза закрыты. Грудь неподвижна. Ни единого движения.

Тишина в лаборатории стала плотной. Карл Густавович слышал стук собственного сердца – гулкий, неровный. Слышал своё дыхание – хриплое, прерывистое. Слышал, как где-то капает вода с медных труб – мерно, равнодушно.

Он ждал.

Минута. Две. Три.

Ничего.

Карл Густавович почувствовал, как внутри что-то рушится – медленно, беззвучно. Тридцать лет! Тридцать лет работы. Груня из чахоточного приюта. Прозектор Василий Петрович с его грязным полотенцем. Ночи без сна. Преступления, за которые его ждала бы каторга. И всё это – ради чего? Ради красивой оболочки, ради куклы в натуральную величину?

Он протянул руку к кнопке, которая должна была поднять стеклянный купол. Надо было убедиться. Проверить пульс. Прислушаться сердце.

Веки гомункула дрогнули.

Карл Густавович замер с вытянутой рукой. Может быть, показалось? Игра света. Тень от лампы. Собственное безумие, порождающее призраков.

Веки дрогнули снова. Отчётливее. Под тонкой кожей заметалось что-то живое – глазные яблоки, пытающиеся найти выход из темноты.

Гильбих попятился. Ноги не слушались, колени подгибались, и он ухватился за край стола, чтобы не упасть. В горле пересохло так, что он не мог сглотнуть. В ушах звенело. Лаборатория вдруг показалась ему тесной, стены надвигались, потолок опускался, воздух стал густым и тяжёлым.

Она открыла глаза.

Не сразу. Медленно, как просыпается человек после долгой болезни. Сначала левый – узкая щель, сквозь которую блеснуло что-то светлое. Потом правый. Веки поднимались рывками, и Карл Густавович не мог отвести взгляда, не мог дышать, не мог думать.

Глаза оказались светло-серыми. Зрачки были расширены до предела, и в них отражался свет керосиновой лампы – два маленьких огонька.

Она смотрела на него. Без удивления, без страха, без любопытства. Так кошка смотрит на мышь. Или мышь на кошку. Карл Густавович не мог понять, кто из них кто. Он чувствовал, как по спине сбегает холодный пот, как рубашка прилипает к телу, как волосы на затылке встают дыбом – древний, звериный инстинкт, предупреждающий об опасности.

– Господи... – прошептал он.

Слово вырвалось само, помимо воли. Он не произносил его годами, десятилетиями. Он давно решил, что Бога нет, что есть только наука, только законы природы, только химические формулы и физические процессы. Но сейчас, глядя в эти светлые глаза, он понял, что ошибался. Бог был. Бог существовал. И Карл Густавович только что бросил ему вызов.

– Господи, – повторил он, и голос сорвался на хрип. – Что я наделал?!

Она моргнула. Первый раз с момента пробуждения. Моргнула медленно, осознанно, и в этом движении было что-то нечеловеческое – не рефлекс, а решение. Словно проверяла, работают ли веки, и осталась довольна результатом.

Карл Густавович нажал кнопку на панели управления. Руки тряслись так, что он промахнулся дважды, прежде чем попал. Раздалось тихое шипение гидравлики, и стеклянный купол начал подниматься.

Воздух лаборатории хлынул внутрь – прохладный, насыщенный запахами химикатов, известняка, сырости. Кожа на теле существа покрылась мелкими пупырышками. Соски затвердели сильнее. Она вздрогнула – первое движение с момента пробуждения, не считая глаз, – и этот короткий спазм пробежал от плеч до кончиков пальцев на ногах.

А потом она сделала вдох.

Грудь поднялась, рёбра раздвинулись, живот втянулся. Воздух вошёл в лёгкие с тихим свистом – новые лёгкие, никогда прежде не знавшие воздуха. Карл Густавович видел, как вздулись вены на шее, как дрогнули ноздри, как приоткрылись губы. Видел, как жизнь входит в тело, которое он создал.

Выдох. Медленный, долгий. И снова вдох. И снова выдох. Ритм установился сам собой – ровный, спокойный, как у человека, который всю жизнь дышал и не собирается останавливаться.

Она повернула голову. Движение было плавным, текучим, лишённым той механической угловатости, которую он ожидал увидеть. Повернула и посмотрела на него – прямо, без стеснения, без единой эмоции, которую он мог бы распознать.

Карл Густавович понял, что плачет. Слезы текли по щекам, капали на жилет, на руки, на каменный пол, и он не мог их остановить, не мог даже поднять руку, чтобы вытереть лицо. Он

плакал от страха. От восторга. От ужаса. От благоговения. От осознания того, что он сделал невозможное – и от осознания того, что невозможное теперь стоит перед ним.

Она сделала шаг.

Нога оторвалась от стеклянного дна, поднялась, опустилась на край колбы. Движение неуверенное, как у младенца, но младенцы не ходят в первые минуты жизни. Вторая нога. Она переступила через край и встала на каменный пол лаборатории. Карл Густавович услышал, как босые ступни коснулись камня – тихий шлепок, почти неслышный, но он различил его так отчётливо, будто кто-то ударил в колокол.

Колени подогнулись. Она качнулась, но не упала – удержала равновесие каким-то чудом, или инстинктом, или чем-то, чему Карл Густавович не знал названия. Стояла перед ним – обнажённая, мокрая, с каплями питательного раствора, стекающими по коже, – и ждала.

Он должен был что-то сказать. Что-то сделать. Проверить рефлекс. Измерить давление. Записать наблюдения. Но не мог пошевелиться. Не мог оторваться от этого лица, от этих глаз, от губ, которые чуть приоткрылись, словно она собиралась заговорить.

Она не заговорила. Вместо этого сделала ещё один шаг. И ещё. Шла к нему – медленно, осторожно, привыкая к ощущению твёрдой поверхности под ногами.

Остановилась прямо перед ним. Так близко, что он чувствовал тепло, исходящее от её тела... «Откуда тепло? – промелькнуло у него в голове. – Она только что вышла из жидкости, должна быть холодной...» Она стояла так близко, что он видел каждую пору на коже, каждую ресницу, каждую крошечную вену, пульсирующую на виске.

Она протянула руку.

Движение было простым, детским – так ребёнок тянется к матери, к отцу, к тому, кто поможет ему встать. Протянула ладонь вверх и замерла в ожидании.

Карл Густавович смотрел на эту руку – тонкие пальцы, розовые подушечки, линии на ладони. Линия жизни, линия судьбы, линия сердца – хироманты прочли бы по ним будущее, но какое будущее было у существа, рождённого минуту назад?

Он коснулся её ладони.

Прикосновение обожгло, хотя кожа была прохладной. Обожгло не температурой – чем-то другим, чему он не знал названия. Пальцы сомкнулись вокруг его руки, и Карл Густавович почувствовал под кожей пульс – быстрый, ровный, живой.

Он помог ей сделать последний шаг – перешагнуть через порог, отделяющий место её рождения от остального мира. Она стояла теперь на каменном полу лаборатории, держась за его руку, глядя на него снизу вверх, потому что была ниже на голову.

– Я... – начал он и осёкся. Голос не слушался. Откашлялся, попробовал снова. – Я должен осмотреть тебя. Это необходимо... для науки.

Она не ответила. Не понимала слов – откуда ей понимать? – но не отпустила его руку. Просто стояла и ждала, и в этом ожидании было что-то, от чего у Карла Густавовича перехватило дыхание.

Он заставил себя отвернуться. На столе лежал приготовленный заранее халат из мягкой фланели – скромный, закрытый. Гильбих схватил его одной рукой, потому что другую она всё ещё держала, и накинул ей на плечи.

Ткань коснулась кожи, и она вздрогнула – не от холода, от новизны ощущения. Посмотрела на халат, потом на Карла Густавовича, потом снова на халат. Во взгляде появилось что-то, похожее на любопытство.

– Это одежда, – сказал он, удивляясь тому, как спокойно звучит голос. – Люди носят одежду.

Она наклонила голову, прислушиваясь. Не к словам – к звукам. К интонации. К чему-то, что Карл Густавович не мог контролировать.

– Тебе нужно имя, – сказал он, застёгивая на халате пуговицы трясущимися пальцами, стараясь не касаться тела под тканью. – Каждый человек должен иметь имя.

Август. Пятнадцатое августа. Праздник Успения, один из двенадцати главных праздников православной церкви. Карл Густавович, изначально бывший лютеранином, давным-давно уже стал православным и знал достаточно о религии страны, в которой жил. Августина – имя, происходящее от месяца рождения, имя с латинским корнем, означающее «священная», «возвышенная».

– Августина, – произнёс он вслух, проверяя звучание. – Да, ты будешь Августиной.

Она чуть наклонила голову, прислушиваясь к новому имени. Губы дрогнули – не улыбка, не гримаса, что-то неопределённое. В глазах появилось выражение, которое можно было принять за одобрение.

Рука её была прохладной, но живой, с отчётливым пульсом под кожей. Прикосновение вызвало у него новую волну смешанных чувств: научной гордости, отцовской нежности и того тёмного, плотского желания, которое он отчаянно пытался подавить.

– Идём, – сказал он, ведя её к лестнице. – Я подготовил для тебя комнату.

Августина послушно последовала за ним. Движения плавные, но странно механические. Поднимаясь по узким ступеням, Гильбих всё время оглядывался, боясь, что она исчезнет или превратится в нечто чудовищное. Но она оставалась прекрасной и загадочной.

Наверху, в доме, всё было тихо. Семья давно спала, не подозревая о происходящем под их жилищем. Карл Густавович провёл Августину через потайной вход, затем по тёмному коридору третьего этажа к комнате, которую специально подготовил.

Комната была маленькой и скромной, почти монашеской: узкая кровать с железным каркасом, простой деревянный стол, стул, шкаф для одежды. Тяжёлые шторы на окне не пропустили лунный свет. Никаких украшений.

– Здесь ты будешь жить, – сказал Гильбих. – Пока я не представлю тебя миру.

Августина вошла, осматривая новое жилище с тем же спокойным любопытством, с каким разглядывала своего создателя. Села на край кровати, положив руки на колени, ожидая дальнейших указаний.

Карл Густавович стоял в дверях, не решаясь войти. Что-то подсказывало ему, что, переступив этот порог, он пересечёт ещё одну границу, за которой не будет возврата. Августина смотрела на него, и в этом взгляде он читал вопрос, который она не могла – или не хотела произнести.

– Я вернусь утром, – пообещал он, отступая в коридор. – Отдыхай. Тебе нужно привыкнуть к своему телу.

Она не ответила. Просто продолжала смотреть, пока Гильбих не закрыл дверь, отгородившись от этого взгляда. В коридоре он прислонился спиной к стене, тяжело дыша. Сердце колотилось, в висках стучала кровь.

Эксперимент удался. Он создал жизнь. Но цена успеха только начинала проявляться.

Глава 3

Утро в доме Гильбихов на Чистопрудном бульваре начиналось, как обычно, с тихого шороха горничных, раздвигающих тяжёлые гардины, позвякивания посуды на кухне, негромких шагов Марии Ивановны, раздающей указания прислуге. Но этим августовским утром в воздухе висело напряжение, хотя небо за окнами было чистым и безоблачным. Что-то неуловимое изменилось в привычном укладе дома номер двенадцать, и даже самовар в столовой шумел иначе – не с привычным уютным бормотанием, а с каким-то тревожным присвистом.

В зеркалах столовой отражались полированные спинки венских стульев, белоснежная скатерть, фарфоровые тарелки с синей каёмкой. На стенах висели пожелтевшие гравюры с видами Петербурга – напоминание о юности Александры Александровны, прошедшей в северной столице. Часы с бронзовым маятником отсчитывали время неторопливыми ударами.

И всё же что-то было не так.

Первой к столу вышла Александра Александровна – в тёмно-сером платье с белым кружевным воротничком, с гладко зачёсанными волосами, собранными в тугой узел на затылке. Движения её, как всегда, были экономны и точны. Она опустила на стул, расправила салфетку на коленях и бросила быстрый взгляд на часы – ровно восемь утра, как полагается.

Через несколько минут появились близнецы. Ксения и Евгения выглядели почти одинаково – в светло-голубых платьях с высокими воротниками, с волосами, заплетёнными в косы и уложенными короной вокруг головы. Но внешнее сходство не могло скрыть разницы в движениях – Ксения шла, чуть сутулясь, с опущенными глазами, а Евгения двигалась свободно, с лёгкой улыбкой, внимательно глядя по сторонам.

– Guten Morgen, Mutter, – почти в унисон произнесли девушки, занимая свои места по правую руку от матери.

– Доброе утро, – ответила Александра Александровна, и в голосе её прозвучала едва заметная нервозность. – Где ваш отец?

– Наверное, ещё в лаборатории, – предположила Евгения, подвигая к себе чашку с блюдцем. – Я слышала, как он ходил ночью.

Ксения ничего не сказала, но пальцы её быстро, почти незаметно коснулись серебряного крестика на шее.

В столовую вошла горничная с большим заварником свежесваренного чая. За ней следовала младшая служанка с подносом – ломтики свежего хлеба, масло и несколько видов варенья: малиновое, клубничное и черносмородиновое, сваренное по особому рецепту Александры Александровны.

– Подождём вашего отца, – проговорила хозяйка, не притрагиваясь к чаю.

– Может быть, он уже ушёл в аптеку? – предположила Ксения тихим голосом. – Иногда он спускается очень рано...

– Нет. Я слышала, он ходил по дому.

И действительно, через несколько мгновений из коридора послышались знакомые звуки размеренных шагов Карла Густавовича, но за ними следовали ещё одни – более лёгкие, неуверенные, будто человек пробовал каждую половицу, прежде чем поставить на неё ногу.

Дверь в столовую открылась, и на пороге появился Карл Густавович. Выглядел он странно: обычно аккуратный, в выглаженном сюртуке, с идеально повязанным галстуком, сегодня он казался каким-то помятым. Под глазами залегли тёмные тени, а очки сидели чуть криво, будто он надел их в спешке, не глядя в зеркало.

– Доброе утро, – сказал он, и в голосе не было привычной уверенности. – Позвольте... позвольте представить вам Августину.

Он сделал шаг в сторону, открывая стоявшую за ним фигуру.

В столовую вошла молодая женщина лет двадцати, с короткими тёмными волосами, едва прикрывающими уши. Одетая она была в простое серое платье, судя по всему, принадлежащее одной из дочерей Гильбиха – слегка широковатое в талии, но короткое в рукавах, обнажающих изящные запястья. Но не одежда привлекала внимание, а странная, неестественная грация, с которой двигалась незнакомка. Спина абсолютно прямая, голова повернута под точным углом в сорок пять градусов, руки расположены вдоль тела с такой симметрией, которая не характерна для живого человека.

– Августина – наша дальняя родственница из Курляндии, – продолжал Карл Густавович, не глядя ни на жену, ни на дочерей. – Она... недавно потеряла родителей и теперь будет жить с нами. Надеюсь, вы примете её как родную.

Александра Александровна медленно подняла руку к лицу и провела пальцами по лбу. Чашка в другой руке задрожала так сильно, что чай едва не выплеснулся на скатерть.

– Дальняя родственница? – переспросила она голосом, в котором смешались удивление и плохо скрываемое подозрение. – С курляндской стороны? Странно, что я никогда о ней не слышала.

– Это очень дальняя линия, – поспешил объяснить Карл Густавович, помогая Августине сесть на стул напротив близнецов. – Через семью моей двоюродной тётушки Берты, которая вышла замуж за курляндского помещика Шенка. Помнишь, я рассказывал...

– Не помню, – отрезала Александра Александровна, глядя прямо на Августина. – Совершенно не помню никаких курляндских родственников. И когда она успела приехать? Я не слышала ни стука в дверь, ни звука кареты.

Карл Густавович на мгновение замер, пальцы его нервно забарабанили по краю стола.

– Она прибыла глубокой ночью, моя дорогая. Я не хотел тебя будить. Извозчик оказался на удивление тихим, а я сам открыл дверь, едва услышав стук.

Августина сидела неподвижно. Спина не касалась спинки стула, руки были сложены на коленях в идеальной симметрии, а глаза – странного серебристо-серого оттенка – смотрели прямо перед собой, почти не моргая.

Ксения нервно заёрзала на стуле. Рука сжала крестик на груди, и быстрым, незаметным движением она перекрестилась. В глазах мелькнул страх – не паника, а тихий, глубокий ужас перед чем-то непостижимым.

Евгения, напротив, подалась вперёд, рассматривая новоприбывшую с нескрываемым любопытством. Острый взгляд отмечал каждую деталь: идеально прямую осанку, неестественную неподвижность и странный серебристый оттенок глаз. Особенно её заинтересовало то, что Августина практически не моргала, что придавало ей вид восковой фигуры, случайно оказавшейся за семейным столом.

– Что ж, – сказала Александра Александровна, стараясь вернуть разговору светский тон, хотя пальцы её слишком крепко сжимали чашку, – добро пожаловать в наш дом, Августина. Надеюсь, вам будет у нас комфортно.

Августина повернула голову в сторону хозяйки – не плавным движением, а рывком.

– Благодарю, – произнесла она голосом мелодичным, но совершенно бесстрастным. – Мне комфортно в вашем доме.

Карл Густавович нервно кашлянул.

– Августина ещё немного... не в себе после пережитого, – пояснил он, усаживаясь во главе стола. – Потеря родителей, долгая дорога... Ей нужно время, чтобы освоиться.

Горничная быстро поставила перед Августиной тарелку с овсяной кашей, чашку с чаем и блюдо с вареньем. Августина посмотрела на еду с выражением вежливого непонимания.

– Вам следует подкрепиться, – сказал Карл Густавович, кивая на тарелку. – После такой долгой дороги.

Августина перевела взгляд на тарелку, затем на Карла Густавовича, затем снова на тарелку. На лице появилось выражение глубокой сосредоточенности.

– Подкрепиться, – повторила она. – Долгая дорога.

Рука медленно, с механической точностью потянулась к ложке. Но, вместо того чтобы взять её обычным образом, Августина сжала ложку в кулаке, как делают маленькие дети.

– Позвольте помочь, – быстро сказал Карл Густавович, протягивая руку.

Но было поздно. Августина набрала полную ложку каши, медленно подняла... и направила к уху.

Александра Александровна ахнула так громко, что чашка в её руке подпрыгнула, расплескав чай на скатерть. Ксения быстро, уже не скрываясь, перекрестилась. Евгения же наклонилась ещё ближе, не желая пропустить ни одной детали.

– Августина! – воскликнул Карл Густавович, вскакивая со стула. – Нет, не так!

Он бросился к своей «родственнице» и мягко, но решительно перехватил её руку, направляя ложку от уха ко рту.

– Вот так, видите? Пища принимается через рот.

Августина замерла, ложка застыла в нескольких сантиметрах от губ. Она моргнула – впервые за всё время – и посмотрела на Карла Густавовича с выражением лёгкого удивления.

– Через рот, – повторила она. – Принимается.

– Да, именно так, – кивнул Карл Густавович, возвращаясь на своё место.

Лицо его покрылось красными пятнами, руки заметно дрожали, когда он намазывал масло на хлеб.

– Она... некоторое время болела, – слабым голосом объяснил он, не глядя на жену. – Во время выздоровления у неё нарушилась память на некоторые базовые функции. Доктора говорили, что это временное явление. Со временем всё наладится.

– Память на базовые функции? – переспросила Александра Александровна с нотками сарказма. – На то, что пищу следует отправлять в рот, а не в ухо?

– Нервная горячка, – быстро ответил Карл Густавович, – иногда приводит к странным последствиям. Я как фармацевт могу подтвердить...

– Я уверена, что вы можете подтвердить многое, mein Lieber, – прервала его Александра Александровна с тонкой, совершенно невесёлой улыбкой. – Особенно когда дело касается родственников с курляндской стороны.

Августина тем временем продолжала держать ложку перед ртом. Глаза её медленно переводились с одного члена семьи на другого. Затем, без выражения на лице, она открыла рот – слишком широко – и положила ложку с кашей внутрь. Жевательных движений не последовало.

– Нужно жевать, Августина, – мягко подсказал Карл Густавович. – Вот так, – и он продемонстрировал, как следует двигать челюстями.

Августина начала копировать движения с той же механической точностью, с какой часовой механизм отсчитывает секунды. Слишком равномерно, слишком правильно, без единого сбоя или паузы.

Евгения не выдержала и засмеялась, тут же прикрыв рот рукой. Ксения бросила на сестру укоризненный взгляд и снова перекрестилась, на этот раз крупно, всем движением руки.

– Возможно, – ледяным тоном произнесла Александра Александровна, – нам стоит обратиться к специалисту? У меня есть знакомый невропатолог, доктор Штраух. Он мог бы осмотреть вашу... родственницу.

– Нет! – слишком поспешно ответил Карл Густавович, и этот возглас прозвучал почти отчаянно. – То есть я хотел сказать, что это совершенно излишне. Я сам наблюдаю за её состоянием. Всё идёт на поправку, уверяю вас.

Августина проглотила кашу – слишком громко, с неестественным звуком – и снова взялась за ложку. На этот раз движения были чуть более уверенными, чуть менее механическими.

Она зачерпнула кашу, поднесла ложку ко рту, прожевала и проглотила. Неидеально, но значительно лучше, чем в первый раз.

– Видите? – с преувеличенным энтузиазмом воскликнул Карл Густавович. – Я же говорил, что всё быстро наладится!

Августина перевела взгляд на чашку с чаем. Движения стали плавнее, осторожнее. Рука потянулась к чашке, пальцы обхватили ручку – на этот раз правильно, хотя и слишком крепко.

Она поднесла чашку к губам и осторожно наклонила. Чай потёк в рот, и Августаина, явно не ожидавшая горячей жидкости, слегка вздрогнула. Но она не выплюнула чай, не выронила чашку, а медленно проглотила, удивлённо моргнув.

– Горячо, – произнесла она своим мелодичным голосом. – Жидкость горячая.

– Да, чай обычно подают горячим, – ответил Карл Густавович с видимым облегчением. – Но можно подождать, пока он немного остынет.

Августина наклонила голову к плечу – снова с той механической резкостью, что отличала все её движения.

– Подождать, пока остынет, – повторила она. – Запомнила.

Ксения, которая всё это время сидела, почти не притрагиваясь к еде, вдруг встала. Лицо её было бледным, руки заметно дрожали.

– Прошу прощения, – произнесла она тихо. – Мне нужно... мне нужно проверить кое-что в своей комнате.

И, не дождавшись разрешения матери, быстро вышла из столовой. В дверях обернулась, бросила последний испуганный взгляд на Августину и исчезла.

В этот момент Августаина сделала нечто, что поразило всех присутствующих – она улыбнулась. Губы растянулись, обнажая зубы, но глаза остались неподвижными, бесстрастными.

Александра Александровна вздрогнула и отвела взгляд. Чашка в её руке звякнула о блюдец.

Евгения же улыбнулась в ответ – с живым, неподдельным интересом. Она наклонилась ближе и спросила:

– Откуда вы приехали, Августаина? Расскажите нам о Курляндии.

Августина моргнула снова – теперь она делала это чаще, почти как обычный человек – и перевела взгляд на Евгению. В глазах что-то мелькнуло.

– Курляндия, – повторила она, и в голосе впервые появился оттенок вопроса. – Я... я приехала из Курляндии.

Карл Густавович поспешил вмешаться:

– Августаина жила очень уединённо, – сказал он быстро. – В имении, далеко от города. Она почти не общалась с посторонними.

– Да, – кивнула Августаина, и движение головы стало почти естественным. – Жила уединённо. Далеко от города.

Рука её потянулась к хлебу, она отломил кусочек и, глядя на Евгению, аккуратно положила его в рот. Затем прожевала – на этот раз с нормальной скоростью – и проглотила. Всё это она делала, не сводя глаз с Евгении.

– Вкусно, – сказала Августаина, и в голосе появилась новая нотка. – Хлеб вкусный.

– Конечно, вкусный, – невольно отозвалась Александра Александровна. – Свежий, только что из пекарни.

Августина перевела взгляд на хозяйку дома и слегка наклонила голову. Когда Александра Александровна не сказала ничего больше, Августаина сама продолжила:

– Пекарня. Место, где делают хлеб. Запомнила.

И она снова улыбнулась – на этот раз чуть менее механически. С каждой минутой движения её становились более естественными.

– У вас прекрасная память, – заметила Евгения с нескрываемым восхищением, – для человека, страдающего амнезией.

Карл Густавович поперхнулся чаем и закашлялся. Лицо его покраснело ещё сильнее, на лбу выступили капли пота.

– Это... это особый случай, – пробормотал он, вытирая губы салфеткой. – Некоторые функции мозга поражены, другие, наоборот, усилены. Очень интересный феномен, с точки зрения науки.

– Действительно, – протянула Евгения, не сводя глаз с Августины. – Крайне интересный.

Августина продолжала есть, с каждым движением всё больше походя на обычного человека. Она уже правильно держала ложку, правильно подносила чашку к губам, правильно промакивала уголки рта салфеткой. Видно было, как она внимательно наблюдает за Евгенией и копирует движения с поразительной точностью.

К концу завтрака постороннему наблюдателю могло бы показаться, что за столом сидит не гостья из Курляндии, а странная копия Евгении. Те же движения, те же наклоны головы, та же манера держать чашку.

И всё же, когда завтрак подошёл к концу и Мария Ивановна вошла убрать посуду, никто, кроме членов семьи, не заметил бы в Августине ничего необычного. Она улыбалась, благодарила, вытирала губы салфеткой – все эти простые действия, которые мы совершаем не задумываясь, она выполняла теперь безупречно.

– Что ж, – сказала Александра Александровна, поднимаясь из-за стола, – благодарю за завтрак. А теперь извините, мне нужно подготовиться к занятиям.

Она бросила на мужа долгий, тяжёлый взгляд, в котором читалось обещание серьёзного разговора позже, наедине.

– Да, конечно, – кивнул Карл Густавович, стараясь не встречаться с ней глазами. – Я тоже должен спуститься в аптеку. Евгения, может быть, ты покажешь Августине дом? Она ведь ещё не освоилась.

– С удовольствием, папа, – ответила Евгения, не скрывая радостного возбуждения. – Я покажу ей всё, что она должна знать.

Августина повернулась к ней, и их глаза встретились – живые, любопытные глаза Евгении и странные, серебристо-серые глаза Августины.

– Я хочу знать, – произнесла Августина своим мелодичным голосом. – Я хочу знать всё.

В последующие дни дом Гильбихов обрёл новый ритм. Присутствие Августины изменило привычный уклад. Александра Александровна ходила по дому настороженно, с плотно сжатыми губами. Карл Густавович большую часть времени проводил в аптеке, избегая встреч с женой и прямых вопросов. А сама Августина с неутомимым усердием пыталась постичь тайны человеческого поведения.

После первого завтрака стало ясно, что «курляндская родственница» нуждается в срочном обучении правилам приличия. Карл Густавович, пытаясь исправить положение, пригласил в дом фрау Матильду Беккер – немку средних лет, слышную в московском обществе специалисткой по «трудным случаям». Она обучала хорошим манерам дочерей разорившихся аристократов, готовящихся к выгодным бракам, вдов, желающих вернуться в светское общество, и богатых купеческих дочек, стремящихся стереть с себя следы мещанского происхождения. Случай Августины, впрочем, не вписывался ни в одну из этих категорий.

Фрау Беккер прибыла в дом ровно в девять утра третьего дня пребывания Августины в семье Гильбихов. Она была одета в строгое серое платье с высоким воротником, крахмальные манжеты подчёркивали сухость и точность движений. Серые волосы были собраны в такой тугой пучок, что, казалось, он оттягивает кожу на висках.

– Я работала с самыми сложными случаями, герр Гильбих, – говорила она, сидя в гостинной напротив хозяина дома. – Дочь графа Орлова-Денисова после ушиба головы при падении

с лошади не могла вспомнить, как правильно держать вилку. Я вернула её в общество через три недели.

– Наш случай... несколько особенный, фрау Беккер, – осторожно начал Карл Густавович, протирая очки платком. – Моя родственница... у неё был сильный нервный шок после смерти родителей. Она забыла многие... многие базовые вещи.

– У меня есть опыт работы с травматическими состояниями, герр Гильбих, – кивнула фрау Беккер. – Я помогала вдовам после Балканской кампании. Некоторые из них от горя не могли говорить месяцами.

– Да-да, конечно, – рассеянно ответил Гильбих. – Только прошу вас, будьте терпеливы. Августина... она очень способная ученица, но иногда её реакции могут быть... непредсказуемыми.

В этот момент дверь гостиной отворилась, и на пороге появилась сама Августина. За три дня она заметно изменилась – движения стали более плавными, хотя и сохраняли странную механистичность. Она была одета в простое голубое платье, очевидно, принадлежавшее одной из дочерей Гильбиха. Серебристо-серые глаза смотрели на фрау Беккер с выражением спокойного любопытства.

– Доброе утро, – произнесла Августина своим мелодичным голосом. – Вы пришли научить меня быть человеком?

Фрау Беккер невольно отпрянула, но тут же взяла себя в руки.

– Я пришла научить вас правилам хорошего тона, фройляйн, – ответила она, выпрямляя спину ещё сильнее. – Уроки начнём прямо сейчас, если герр Гильбих не возражает.

– Конечно-конечно, – поспешно согласился Карл Густавович, явно обрадованный возможностью передать своё создание в чужие руки хотя бы на несколько часов. – Августина, слушайся фрау Беккер. Она научит тебя всему необходимому.

Оставшись наедине с ученицей, фрау Беккер первым делом провела тщательный осмотр её внешности. Поправила ворот платья, одёрнула манжеты, проверила причёску.

– Для дамы вашего положения неприемлемо носить столь короткие волосы, – заметила она с лёгким неодобрением. – Но что сделано, то сделано. Будем работать с тем, что есть.

Фрау Беккер открыла свой саквояж и достала оттуда несколько предметов: веер, перчатки, маленькую книжечку правил этикета. Последним она извлекла корсет – не слишком жёсткий, но с заметными металлическими вставками.

– Начнём с основ, фройляйн, – сказала она. – Каждая дама должна следить за осанкой. Корсет помогает держать спину прямо и создаёт изящный силуэт.

Августина внимательно смотрела на корсет, наклонив голову под характерным для неё углом.

– Корсет, – повторила она. – Устройство для деформации человеческого тела с целью соответствия эстетическим нормам.

Фрау Беккер поперхнулась.

– Нет, фройляйн, это не... это не деформация. Это... поддержка. Поддержка женской фигуры.

Она продемонстрировала, как корсет должен облегать талию, как затягиваются шнурки, как следует дышать, когда корсет надет.

– Теперь вы попробуйте, – сказала она, протягивая корсет Августине. – Я помогу вам застегнуть его.

Августина взяла корсет обеими руками, внимательно изучая устройство. Затем перевела взгляд на фрау Беккер и с неожиданной силой и скоростью шагнула к ней.

– Вам нужна поддержка женской фигуры, – произнесла она без тени сомнения, и прежде чем фрау Беккер успела что-либо возразить, накинула корсет на учительницу, ловко развернув его задом наперёд.

– Что вы... Фройляйн! – пыталась протестовать фрау Беккер, но Августина уже затягивала шнурки с силой, которой трудно было ожидать при её хрупком телосложении.

– Я создаю изящный силуэт, – сообщила Августина тоном, не допускающим возражений, продолжая затягивать корсет.

Фрау Беккер издала сдавленный крик, когда грудная клетка оказалась сжата до невозможности. Лицо её побагровело, глаза расширились.

– Нет-нет-нет! – наконец сумела выкрикнуть она, отчаянно пытаясь освободиться. – Отпустите немедленно!

Дверь распахнулась, и на пороге появился Карл Густавович, встревоженный криками.

– Что здесь... – начал он и застыл при виде сцены: фрау Беккер с корсетом, надетым задом наперёд, и Августина, методично затягивающая шнурки с выражением глубокой сосредоточенности на лице.

– Боже мой! Августина, немедленно прекрати! – воскликнул Гильбих, бросаясь на помощь. – Это не так... это не так делается!

Понадобились совместные усилия Карла Густавовича и прибежавшей на шум Марии Ивановны, чтобы освободить фрау Беккер. Учительница хороших манер хватала ртом воздух, обычно бледное лицо её пошло красными пятнами.

– Мне очень жаль, фрау Беккер, – бормотал Карл Густавович, поддерживая женщину под локоть. – Августина не хотела... она просто не поняла...

Августина стояла в стороне, держа в руках многострадальный корсет, и наблюдала за происходящим с выражением научного интереса.

– Создание изящного силуэта причиняет боль, – заметила она. – Это нелогично.

Фрау Беккер, наконец восстановив дыхание, поднялась с дивана, куда её усадили, и расправила смятое платье дрожащими руками.

– Герр Гильбих, – произнесла она с достоинством, – за двадцать лет работы я не сталкивалась с подобным... с подобным... У меня нет слов. Я вынуждена прервать наши уроки.

– Но фрау Беккер, – попытался возразить Карл Густавович, – вы же сами говорили, что работали со сложными случаями...

– Это не сложный случай, герр Гильбих, – отрезала фрау Беккер, собирая свои вещи. – Это... это что-то другое. Вам нужен не учитель манер, а... – она осеклась, бросив быстрый взгляд на Августину, которая продолжала изучать корсет, – возможно, священник. Или психиатр.

Она быстрым шагом покинула комнату. Через несколько минут её экипаж скрылся за поворотом Чистопрудного бульвара. Фрау Беккер больше никогда не возвращалась в дом Гильбихов и, как поговаривали, отказалась от нескольких выгодных клиентов в том районе.

Глава 4

Неделю спустя после инцидента с фрау Беккер в доме Гильбихов ожидался важный визит. Аптеку военного ведомства должен был посетить с проверкой инспектор фармацевтического департамента, статский советник Николай Иванович Воронцов. Визит был официальным, плановым, но Карл Густавович нервничал больше обычного – военное время усилило контроль за аптеками, а странная новая жительница дома незаметно меняла саму атмосферу в семье Гильбихов.

Хозяин специально предупредил всех домашних, что чиновник будет принят после осмотра аптеки, и попросил, чтобы Августину заняли чем-нибудь в задних комнатах. Александра Александровна, которая за эти дни приобрела привычку держать в кармане пузырёк с нюхательной солью, пообещала проследить, чтобы «курляндская родственница» не появлялась в гостиной.

Ровно в два часа пополудни инспектор поднялся из аптеки на второй этаж в сопровождении Карла Густавовича. Это был высокий, худощавый мужчина лет сорока с прямой осанкой, говорившей о военном прошлом. Тёмно-синий вицмундир был застёгнут наглухо, несмотря на августовскую жару. Седеющая бородка подчёркивала впалые щёки, а взгляд был усталым, как у человека, повидавшего слишком много человеческой глупости.

– Прошу вас, Николай Иванович, – Гильбих распахнул двери. – Позвольте предложить вам чаю после нашего обхода. Должен сказать, что ваша дотошность при проверке препаратов произвела на меня самое благоприятное впечатление.

– Благодарю, – сухо ответил Воронцов, усаживаясь в кресло у окна. – В военное время контроль за качеством лекарств должен быть особенно строгим. Малейшая ошибка может стоить жизни нашим солдатам.

– Разумеется, разумеется, – закивал Карл Густавович, присаживаясь напротив. – Я полностью разделяю вашу позицию. Моя аптека всегда славилась точностью приготовления препаратов.

Воронцов оглядел комнату, задержавшись на гравюрах с видами Петербурга и часах с бронзовым маятником.

– У вас солидный дом, Гильбих, – заметил он. – Давно здесь обосновались?

– Почти пятнадцать лет. После назначения управляющим аптекой военного ведомства.

Инспектор кивнул и достал из внутреннего кармана записную книжку. Он как раз собирался что-то сказать, когда дверь распахнулась и на пороге появилась Августина.

За прошедшую неделю она ещё больше освоилась в своём теле. Движения стали почти естественными, хотя сохраняли неуловимую механистичность, особенно в моменты замешательства. Сейчас на ней было простое домашнее платье цвета слоновой кости, купленное недавно, – оно идеально сидело на фигуре.

Карл Густавович побледнел.

– Августина! – голос его сорвался. – Я не ожидал тебя здесь. Разве ты не должна была заниматься... э... чтением в библиотеке?

– Я услышала незнакомый голос, – ответила она своим странным мелодичным голосом. – Мне стало любопытно.

Она перевела взгляд на Воронцова, который при её появлении поднялся, как и полагается при встрече с дамой. Серебристо-серые глаза изучающе окинули его с головы до ног.

– Добрый день, сударыня, – произнёс инспектор, слегка поклонившись. – Николай Иванович Воронцов, к вашим услугам.

То, что произошло дальше, Карл Густавович потом не мог вспоминать без содрогания. Августина пересекла комнату стремительным, но плавным шагом. Воронцов ещё не успел

выпрямиться после поклона, когда она приблизилась вплотную, положила ладони ему на плечи и мягко надавила, заставляя опуститься обратно в кресло. Прежде чем чиновник осознал происходящее, она уже сидела у него на коленях.

Воронцов застыл. Глаза его расширились от изумления, руки зависли в воздухе. Записная книжка выпала из пальцев и глухо стукнулась о ковёр.

– Августина! – Карл Густавович вскочил с места. – Что ты делаешь?!

Она повернула голову к своему создателю, чуть наморщив лоб.

– Я села. Это кресло выглядело необычно, но удобно.

Гильбих бросился к ней, пытаясь оттащить от оцепеневшего инспектора, но Августина оказалась неожиданно тяжёлой для своей хрупкой фигуры.

– Прошу прощения, Николай Иванович, – пробормотал Карл Густавович, покраснев до багровости. – Моя родственница... она... она недавно перенесла нервное потрясение. Не совсем понимает... Августина, пожалуйста, встань немедленно!

Инспектор наконец обрёл дар речи.

– Сударыня, – произнёс он сдавленно, – боюсь, вы ошиблись. Я не предмет мебели.

– Вы тёплый, – заметила Августина, не двигаясь с места. – И пахнете иначе, чем другие кресла.

Она повернулась к нему – их лица оказались в опасной близости. Серебристо-серые глаза смотрели прямо в глаза гостя, изучая с холодным любопытством.

– У вас учащённое сердцебиение. Сто двадцать ударов в минуту. Это нездорово для человека вашего возраста.

Воронцов стал белым, как полотно. Взгляд его заметался по комнате, ища выход. Наконец, собрав волю, он осторожно, но твёрдо отодвинул Августину и поднялся, придерживая её за локти, чтобы не упала.

– Я вынужден откланяться, – сказал он, обращаясь к Гильбиху, но глядя куда-то поверх его головы. – Срочные дела... в департаменте. Отчёт о проверке вышлю с курьером.

– Но Николай Иванович, – начал было хозяин, – вы даже чаю не успели...

– В другой раз, – отрезал Воронцов, направляясь к двери. – Всего доброго.

Инспектор почти бежал по коридору, шаги гулко отдавались в тишине дома. Карл Густавович обессиленно опустился в кресло, закрыв лицо руками.

– Что ты наделала? – простонал он. – Ты понимаешь, что он может написать такой отчёт, что аптеку закроют?

Августина стояла посреди гостиной, глядя в пространство перед собой.

– Я совершила ошибку, – произнесла она ровно. – Человек – не кресло. Запомнила.

В дверях появилась Александра Александровна, привлечённая шумом поспешного ухода гостя.

– Что здесь происходит? – спросила она, переводя взгляд с мужа на Августину.

Карл Густавович только махнул рукой, не в силах объяснить.

Августина повернулась к хозяйке дома.

– Я приняла человека за предмет мебели и села на него. Это вызвало крайнее смущение среди присутствующих.

Александра Александровна молча развернулась и вышла. Через мгновение из коридора донёсся звук разбивающегося стекла – видимо, пузырёк с нюхательной солью выпал из её ослабевших пальцев.

Последний инцидент произошёл через три дня после злополучного визита проверяющего инспектора. Был тихий августовский вечер, дневная жара спадала, и в воздухе появлялась та особая прозрачность, какая бывает только в конце лета. Дом готовился ко сну – Александра Александровна проверяла, заперты ли двери, близнецы расчёсывали волосы перед сном, Карл Густавович в кабинете составлял отчёт для военного ведомства.

Молодая горничная Дуня, недавно принятая в дом вместо уволившейся Глаши, заканчивала вечернюю уборку на втором этаже. Глаша ушла без предупреждения после того, как застала Августину стоящей над своей постелью в полной темноте – та наблюдала за её дыханием, держа в руках блокнот. Дуня об этом знала, но всё же не уволилась – ей нужны были деньги. Она протирала пыль с подоконников, поправляла шторы, расставляла по местам книги и безделушки. Оставалось только проверить, потушены ли лампы в коридоре.

Проходя мимо комнаты «курляндской барышни», как слуги называли Августину, Дуня заметила странный свет из-под двери, не похожий на обычный свет лампы – мерцающий, неровный. Прислушавшись, горничная уловила тихие ритмичные звуки, похожие на шаги.

Дуня была девушкой любопытной и не слишком робкой. Среди прислуги ходили странные слухи о новой жиличке, но сама она ещё не имела случая близко познакомиться с Августиней. Сейчас, когда весь дом погружался в сон, был подходящий момент.

Осторожно, стараясь не скрипеть половицами, горничная приблизилась к двери и заглянула в замочную скважину.

Посреди комнаты стояла Августина, одетая лишь в нижнее бельё – не своё, а Дунино, взятое из её комнаты в задней части дома, отведённой для прислуги. Тонкая батистовая сорочка с кружевом, которую Дуня надевала только по большим праздникам, едва прикрывала тело. В каждой руке Августина держала по горящей свече, воск капал на пол, образуя причудливые узоры. Но страшнее всего было другое – она кружилась на месте с механической точностью заводной игрушки, делая один оборот ровно за четыре секунды, не убыстряясь и не замедляясь. Глаза были открыты, но казалось, что она ничего не видит.

Дуня с трудом подавила крик. Её трясло, но она не могла оторваться от этого зрелища. В какой-то момент Августина остановилась и, словно почувствовав чужое присутствие, повернула голову точно в сторону двери. Серебристо-серые глаза, казалось, смотрели сквозь дерево, сквозь замочную скважину – прямо в лицо перепуганной горничной.

– Я вижу тебя, – произнесла Августина своим странным мелодичным голосом, который в полумраке звучал особенно потусторонне.

Этого выдержать Дуня уже не могла. Она отпрянула от двери, зажав рот руками. Стараясь не бежать, но двигаясь так быстро, как только могла, она бросилась к лестнице, непрерывно крестясь. Ей нужно было попасть в свою комнату, запереть дверь и переждать до утра, а утром – бежать, бежать из этого дома, где поселилась нечистая сила!

На следующее утро, ещё до завтрака, Мария Ивановна сообщила хозяйке, что Дуня подала прошение об увольнении и уже собрала вещи.

– Что случилось? – спросила Александра Александровна, уже предчувствуя ответ. – Она работала всего две недели.

– Говорит, в доме нечисто, – тихо ответила Мария Ивановна, теребя край фартука. – Видела что-то ночью... Крестится всё время и бормочет молитвы.

Александра Александровна вздохнула. Это была уже третья горничная, уволившаяся с тех пор, как в доме появилась Августина.

– Выдайте ей жалованье за месяц вперёд, – распорядилась она. – И найдите замену.

– Боюсь, будет сложно, барыня, – покачала головой экономка. – По городу слухи пошли. Говорят, в доме Гильбихов водится... – она запнулась, не решаясь произнести слово вслух.

– Что ж, – Александра Александровна расправила складки на платье. – Значит, придётся обходиться теми, кто есть. Иногда я думаю, что нам всем следовало бы поступить, как Дуня.

Она поднялась и направилась в столовую, где семью уже ждал завтрак. Проходя мимо комнаты Августины, невольно ускорила шаг.

За дверью было тихо. Возможно, Августина всё ещё кружилась там со свечами в руках, а может быть, придумывала новый способ изучения человеческого поведения. В любом слу-

чае это был лишь вопрос времени – дом Гильбихов снова содрогнётся от очередного происшествия, связанного с созданием Карла Густавовича.

Церковь Архангела Гавриила в Архангельском переулке стояла в двух кварталах от дома Гильбихов – каменная, с зелёным куполом, похожим на опрокинутую чашу, тихая в будни и торжественно-гулкая по воскресеньям.

В это августовское утро, когда в воздухе уже чувствовалось дыхание осени, семья направлялась к обедне в полном составе: Карл Густавович вёл под руку жену, за ними степенно шли близнецы, а позади всех, сохраняя точную дистанцию в два шага, двигалась Августина. Её появление в церкви было предметом длительных семейных споров, закончившихся победой Карла Густавовича: он настаивал, что приобщение «курляндской родственницы» к обществу должно включать все аспекты нормальной московской жизни, в том числе религиозные обряды.

– Я категорически против, – шептала Александра Александровна накануне, нервно постукивая пальцами по крышке комода. – Она не умеет вести себя на людях. Подумайте, к чему это может привести!

– Это не существо, а молодая женщина, – ровным голосом возражал Карл Густавович, хотя внутри у него всё холодело от сомнений. – Её поведение значительно улучшилось. Она теперь умеет есть, пить, вести простейшие беседы...

– И рассматривать горничных по ночам, – добавила жена. – И надевать на других корсеты. И садиться на колени статским советникам.

– Все эти... недоразумения остались в прошлом, – заверил её муж, стараясь, чтобы голос звучал убедительно. – Августина быстро учится. Сейчас она почти неотличима от обычного человека... с некоторыми странностями.

И вот теперь они шли по Архангельскому переулку, а в груди Карла Густавовича ворочалось предчувствие очередной катастрофы. Августина в этот день выглядела безупречно: серое платье с воротником-стойкой, тёмная вуаль, которую Евгения посоветовала надеть «по обычаю». Короткие тёмные волосы были уложены в подобие модной причёски, а движения казались почти естественными – если не приглядываться.

Ксения то и дело оборачивалась, бросая на «курляндскую родственницу» настороженные взгляды, и быстро крестилась, когда думала, что никто не видит. Евгения, напротив, подождала, пока родители пройдут вперёд, и замедлила шаг, поравнявшись с Августиной.

– Слушайте внимательно, – тихо сказала она, улыбаясь для случайных прохожих. – В церкви нельзя разговаривать громко, нельзя ходить во время службы, нельзя задавать вопросы. Просто стойте рядом со мной и повторяйте мои движения. Когда все крестятся – креститесь. Когда все кланяются – кланяйтесь. Ясно?

– Ясно, – ответила Августина. – Имитировать внешние признаки религиозного опыта.

Евгения слегка вздрогнула, но сохранила спокойное выражение лица.

– Именно так. И, пожалуйста, не используйте таких формулировок в присутствии других.

Церковный двор был полон прихожан – семей того же слоя московского общества, что и Гильбихи. Женщины в тёмных платьях с кружевными воротничками, мужчины в сюртуках, дети, непривычно тихие, в своих воскресных нарядах. Августина оглядывалась по сторонам с напряжённым вниманием, которым отличались все её попытки изучения человеческого поведения.

Они вошли в церковь. Горели свечи, воздух был напоён запахами ладана и воска. Иконостас сиял позолотой в утренних солнечных лучах, проникавших сквозь узкие окна под куполом. Карл Густавович провёл семью к привычному месту – недалеко от правого клироса, откуда открывался хороший вид на алтарь.

Август стоял на пороге осени, и храм был наполнен не только запахами воска и ладана, но и неуловимым ароматом яблок – прихожане принесли освящать плоды нового урожая. Эта

смесь запахов, шелест одежд, приглушённые голоса создавали атмосферу благоговейного ожидания.

Служба началась. Священник, отец Иннокентий, вышел из Царских врат алтаря, и его густой бас заполнил пространство храма. Августина, как и было велено, старательно повторяла движения Евгении – крестилась, когда та крестилась, кланялась, когда кланялась та. Странная, механическая точность её движений бросалась в глаза лишь тем, кто специально наблюдал, но в полумраке церкви это было почти незаметно.

Всё шло хорошо до тех пор, пока не запел хор. Это был обычный приходской хор – несколько пожилых женщин и двое-трое мужчин с приличными, но не выдающимися голосами. Они затянули «Господи, помилуй» – древний напев, простой и торжественный одновременно.

И тут произошло то, чего Карл Густавович опасался больше всего. Августина, до этого стоявшая тихо и неподвижно, вдруг подняла голову. Серебристо-серые глаза широко распахнулись, губы приоткрылись. Она сделала глубокий вдох – такой вдох, какой опытные певцы делают перед началом арии, – и присоединилась к хору.

Но это было не робкое подпевание прихожанки, знающей слова молитвы. Это был голос оперной дивы – чистое, безупречное сопрано, способное заполнить зал Большого театра без всякого усиления. Голос Августины перекрыл пение хора. Певчие смолкли, оборачиваясь, пытаясь понять, откуда исходит этот звук.

– Господи, помилуй! – пела Августина, и в голосе её не было ни тени эмоций, лишь математически выверенная точность интонации. – Господи, поми-и-илуй!

Звуки, исходившие из её горла, казались не вполне человеческими. Слишком совершенными, слишком чистыми, без единой вибрации или погрешности. Словно сам ангел спустился в храм Архангела Гавриила и запел голосом из иного мира.

Прихожане один за другим поворачивали головы в сторону Гильбихов. Сначала на лицах читалось изумление, потом – восторг, сменившийся недоумением, а затем и страхом. Потому что голос становился всё громче, всё пронзительнее, всё менее похожим на пение живого человека. Августина достигла нот, недоступных простым смертным, – нот, от которых стёкла в окнах начинали вибрировать, а свечи мерцать.

Отец Иннокентий у амвона застыл с раскрытой книгой в руках, глядя на странную прихожанку. В его взгляде читалось не столько удивление, сколько понимание – такое, какое бывает у людей, долго живущих рядом с тайной и сразу распознающих её присутствие.

Но хуже всего была реакция простых прихожан. Пожилая купчиха уже крестилась размашисто и часто, шепча молитву от нечистой силы. Торговка яблоками с соседней улицы потянула за руку сына, пытаясь к выходу. А старый отставной полковник, стоявший неподалёку от семьи Гильбихов, только покачал головой и пробормотал:

– Немцы... Экспериментируют, всё экспериментируют...

Карл Густавович почувствовал, как лицо заливают краска стыда и ужаса. Он быстро шагнул к Августине и положил руку ей на плечо, сжав с силой, которая могла бы причинить боль обычному человеку. Но девушка лишь прервала пение и повернулась к нему с вопросительным выражением в серебристо-серых глазах.

– Нам нужно идти, – прошипел Гильбих, обращаясь к семье и стараясь, чтобы голос звучал спокойно. – Августине стало плохо.

Он взял девушку под руку и почти силой повёл к выходу. Александра Александровна и близнецы последовали за ними, опустив головы и стараясь не встречаться глазами с другими прихожанами. Только у самых дверей Карл Густавович обернулся и, с трудом выдавив вежливую улыбку, произнёс достаточно громко, чтобы слышали стоявшие рядом:

– Прошу прощения за беспокойство. Моя племянница... она нездорова. Последствия нервной горячки. Мы отведём её домой.

Августина шла рядом послушно, но с явным недоумением.

– Я пела неправильно? – спросила она, когда они оказались на церковном дворе. – Высота тона не соответствовала стандартам?

– Нет, Августина, – устало ответил Карл Густавович. – Ты пела слишком правильно. Люди не способны петь так. Это пугает их.

– Не понимаю, – сказала она, наклонив голову под характерным для неё углом. – Разве совершенство не является целью?

– Не всегда, – тихо проговорил Карл Густавович, ощущая на себе тяжёлый взгляд жены. – Иногда недостатки делают нас людьми.

Разговор продолжился дома, за закрытыми дверями кабинета, где Александра Александровна дала волю накопившемуся гневу.

– Это было последней каплей, – говорила она, меряя шагами комнату. – Я больше не могу. Вы хоть понимаете, что нас теперь не примут ни в одном приличном доме? Что о нас будут говорить?

– Вы преувеличиваете, моя дорогая, – пытался успокоить её муж. – Ничего страшного не произошло. Подумаешь, девушка запела в церкви. Мало ли у кого бывают... э... экстатические религиозные переживания.

– Экстатические переживания? – Александра Александровна остановилась и посмотрела на него с выражением, которое бывает у людей, сомневающих в рассудке собеседника. – Вы слышали этот голос? Это не человеческий голос! Так поют только... только...

Она не договорила, но взгляд, устремлённый к потолку, ясно показывал, что она имела в виду ангелов – или, возможно, существ из совсем другой области сверхъестественного.

Тем временем предоставленная самой себе Августина продолжала изучение человеческой жизни. Запершись в комнате, она часами стояла перед зеркалом, растягивая рот пальцами в разные стороны, пыталась создать то выражение, которое люди называли «улыбкой». С клинической беспристрастностью отмечала, какие мышцы задействованы, под каким углом должны подниматься уголки губ, как меняется форма глаз.

– Улыбка – выражение положительных эмоций через растяжение губ и сокращение окологлазных мышц, – бормотала она, записывая определение в маленькую записную книжку, подаренную Евгенией. – Наблюдение: улыбка Евгении отличается от улыбки Александры Александровны. Гипотеза: различные типы улыбок выражают различные эмоциональные состояния.

Она экспериментировала часами, пока не научилась создавать подобие человеческого выражения радости. Но что-то всё равно было не так – глаза оставались не вовлечёнными эмоционально, а сама улыбка выглядела приклеенной к лицу.

Другим объектом изучения стала походка. Августина обратила внимание, что люди двигаются по-разному, и решила найти наиболее эффективный способ передвижения. Особенно её заинтересовала манера ходить кухарки Марфы. Будучи пышной женщиной в годах, та передвигалась по дому покачивающейся походкой, слегка переваливаясь с боку на бок.

«Интересно, – думала Августина, наблюдая за кухаркой из-за угла. – Очевидно, это наиболее оптимальный способ распределения веса при ходьбе».

На следующий день домочадцы с изумлением наблюдали, как стройная, изящная Августина расхаживает по дому, широко расставляя ноги и раскачиваясь. Она появлялась в дверях гостиной и с серьёзным выражением лица пересекала комнату странной, вразвалочку, походкой, точно моряк на палубе во время качки.

– Что с ней теперь? – шёпотом спросила Ксения у сестры, наблюдая, как Августина, покачиваясь, проходит мимо.

– Понятия не имею, – так же шёпотом ответила Евгения, с трудом сдерживая смех. – Но выглядит это...

– Кошунственно, – закончила за неё Ксения, быстро перекрестившись.

– Я хотела сказать «комично». Она будто пародирует чью-то походку.

Загадка разрешилась за обедом, когда Августина вновь продемонстрировала особую манеру передвижения и вызвала наконец вопрос Карла Густавовича:

– Августина, зачем ты так странно ходишь?

– Я имитирую походку кухарки, – ответила она. – Очевидно, учитывая её возраст и авторитет в доме, это, должно быть, самая благопристойная походка для благородной дамы.

На мгновение за столом воцарилась тишина, а потом Евгения не выдержала и расхохоталась. Даже Александра Александровна, обычно сохранявшая каменное выражение лица при странностях Августины, слегка улыбнулась.

– Боже мой, – пробормотал Карл Густавович, протирая очки платком. – Августина, не все особенности чьего-то поведения... э... стоит копировать. У Марфы, видишь ли, геморрой, отсюда и её специфическая походка.

– Геморрой, – повторила Августина, словно пробуя слово на вкус. – Варикозное расширение вен в области ануса. Запомнила.

Евгения снова прыснула, скрывая смех в салфетке, а Ксения покраснела до корней волос. Александра Александровна лишь неодобрительно покачала головой.

– За столом не принято обсуждать подобные темы, – сказала она тоном, не допускающим возражений. – Карл Густавович, вы могли бы провести с вашей... родственницей беседу о приличиях.

Настоящий скандал разразился через несколько дней, когда Августина обнаружила в комнате Евгении женский журнал. «Дамский вестник» пестрел иллюстрациями последних парижских фасонов и содержал многочисленные советы по уходу за собой. Августина провела несколько часов, изучая журнал с той же сосредоточенностью, с какой учёный изучает древний манускрипт.

Результат этого изучения семья увидела вечером, когда все собрались к ужину. Ксения и Евгения уже сидели за столом, Александра Александровна занимала своё обычное место, Карл Густавович только что вышел из кабинета, на ходу протирая очки.

– Странно, – заметила хозяйка, оглядывая стол. – Где же наша... гостья? Обычно она не опаздывает к трапезам.

Дверь распахнулась, и на пороге появилась Августина. На ней было элегантное вечернее платье из шёлка цвета слоновой кости – очевидно, взятое из гардероба Александры Александровны, – но не это привлекало внимание. Лицо девушки было раскрашено самым фантастическим образом: ярко-красная помада покрывала не только губы, но и подбородок – словно она пыталась нарисовать себе второй рот, румяна лежали неровными лиловыми пятнами на щеках, а брови, нарисованные чёрным карандашом, располагались не над глазами, а на висках, придавая ей вид удивлённого инопланетного существа.

– Добрый вечер, – произнесла она, делая неуклюжий реверанс. – Теперь я неотразима, как и сказано в статье!

Карл Густавович поперхнулся и закашлялся, прикрывая рот платком. Ксения тихо ахнула и отвела глаза, а Евгения закрыла лицо руками, пытаясь скрыть смех. Лишь Александра Александровна сохранила видимость спокойствия.

– Августина, – сказала она с деланной невозмутимостью, – боюсь, вы неправильно поняли инструкции в журнале. Это не то, что называется «быть неотразимой».

– Но здесь ясно сказано, – возразила Августина, доставая из кармана платья вырезку из журнала, – «подчеркните линию бровей, чтобы сделать взгляд более выразительным». Я подчеркнула.

– Да, но не на висках, а над глазами, – вздохнула Александра Александровна. – И помада наносится только на губы, а не... на весь подбородок.

– Но в статье говорится: «нанесите помаду на губы, чтобы они казались более полными», – настаивала Августина. – Я проанализировала это утверждение и пришла к выводу, что если нанести помаду на более широкую область, губы будут казаться ещё полнее.

Евгения уже не скрываясь смеялась, уткнувшись лицом в салфетку. Даже Ксения, обычно пугающаяся странностей Августины, не могла сдержать улыбку. Карл Густавович, глядя на своё создание, ощущал странную смесь ужаса и гордости – всё-таки она пыталась вписаться в человеческое общество, хоть и весьма своеобразным способом.

– Пожалуйста, – сказала Александра Александровна тоном, которым обычно разговаривала с самыми непонятливыми ученицами, – пойдите умойтесь. Я дам вам отдельный урок по нанесению косметики... если вы настаиваете на этом.

Августина послушно кивнула и удалилась. Когда она вернулась через десять минут, лицо было чистым, а на губах играло подобие улыбки – всё ещё неестественной, но уже гораздо более похожей на человеческую.

Вскоре Августина действительно освоила многие базовые навыки и уже не совершала таких вопиющих ошибок. Научилась есть, пить, одеваться и даже поддерживать простейшие беседы о погоде и городских новостях, хотя речь её по-прежнему отличалась странным, слишком правильным построением фраз и неожиданными аналитическими вставками.

Впрочем, случались и казусы. Однажды в аптеку зашёл поставщик лекарственных трав, старый знакомый Карла Густавовича. Августина, спустившаяся, чтобы помочь с разбором новых поступлений, решила продемонстрировать навыки приветствия. Но вместо обычного рукопожатия схватила руку поставщика, энергично потрясла её, а затем хлопнула мужчину по щеке, как делают с маленькими детьми.

– Августина! – воскликнул Карл Густавович, поспешно отстраняя её от озадаченного гостя. – Прошу прощения, Павел Андреевич, моя племянница... она выросла за границей и не совсем понимает наши обычаи.

– Ничего страшного, – пробормотал тот, недоумённо потирая щёку. – Бывает... У меня вот кузен из Варшавы приезжал, так он всех мужчин в обе щеки целовал. Заграница, что с неё взять.

Несмотря на эти случайные промахи, к концу лета Августина уже могла сойти за обычную девушку при поверхностном общении. Карл Густавович, обнадёженный прогрессом, решил, что пора представить её в более широком кругу.

– Я думаю, мы могли бы устроить небольшой семейный ужин, – сказал он за завтраком в один из последних августовских дней. – Пригласить, может быть, Штольцев? Они давно не были у нас.

Александра Александровна поставила чашку на блюдце с такой силой, что фарфор жалобно звякнул.

– Только семейный, – сказала она тоном, не допускающим возражений. – Никаких гостей. Для безопасности всех присутствующих.

Взгляд, брошенный на Августину, был красноречивее любых слов. Но та, казалось, не заметила этого. Она методично намазывала масло на хлеб, стараясь сделать слой абсолютно ровным, и с отстранённым интересом наблюдала за разговором.

– Как скажете, моя дорогая, – вздохнул Карл Густавович. – Но я думаю, Августина готова к этому шагу. Она делает большие успехи.

– Несомненно, – сухо ответила жена. – Особенно в церковном пении и нанесении косметики.

Августина подняла голову от своего идеально намазанного хлеба и посмотрела на хозяйку дома серебристо-серыми глазами.

– Я стараюсь, – сказала она.

В этой простой фразе, произнесённой без всякого выражения, было что-то такое, от чего по спине Александры Александровны пробежал холодок. На мгновение ей показалось, что все под её взглядом превращаются во что-то иное, неопределённое, теряющее очертания.

Глава 5

Пустота, которую Августина ощущала внутри себя, не походила ни на голод, заставляющий человека искать пищу, ни на тоску, толкающую к душевной близости. Тело, созданное в подземной лаборатории Карла Густавовича, требовало чего-то иного – наполнения, которого не хватало в искусственных тканях и органах.

Она стояла у окна своей комнаты на втором этаже дома Гильбихов и смотрела во двор. Глаза улавливали то, чего не видели обычные люди.

Вечер опускался на Чистопрудный бульвар. Последние лучи августовского солнца золотили верхушки лип и зажигали стёкла в окнах соседних домов. На улице стояла тишина, какая бывает в городе между дневной суетой и ночной жизнью, – краткий миг равновесия.

Во дворе работал Илья Андреевич, чистил упряжь. Движения были размеренными – широкие плечи мерно поднимались и опускались, руки двигались по коже сбруи с уверенностью человека, тысячи раз повторявшего одни и те же действия. Кучер снял рубашку из-за вечерней духоты, и капли пота блестели на загорелой спине.

Августина наклонила голову, рассматривая работающего мужчину. Что-то изменилось в воздухе. Сначала она не поняла, что именно, но потом осознала: Илья Андреевич поднял голову и посмотрел на её окно. Он не мог видеть её за тюлевой занавеской, но словно почувствовал чей-то взгляд. И в этот момент она впервые ощутила это – желание, ставшее осязаемым.

Запах был терпким, чуть кисловатым, с нотами железа и соли. Этот аромат не улавливался обычным человеческим обонянием, но для Августины он был так же реален, как запах сирени или свежее испечённого хлеба. Она глубоко вдохнула, позволяя ощущению заполнить лёгкие, проникнуть в кровь, распространиться по телу.

Пустота внутри на мгновение отступила. Но едва Илья Андреевич отвернулся, вернувшись к работе, аромат исчез, и пустота накатила с новой силой.

Августина отошла от окна. Серое платье с высоким воротом, которое ей подобрали из одежды дочерей Гильбиха, показалось тесным. Она расстегнула верхнюю пуговицу, глубоко вдохнула, ощущая, как внутри шевелится что-то новое – смутное, неясное, но определённо голодное.

Последние дни она замечала похожее ощущение рядом с аптекарем Трофимом Семёновичем. Уже две недели Карл Густавович позволил ей помогать в аптеке – убирать склянки, раскладывать бинты, записывать расход медикаментов. «Социализация», – говорил создатель, хотя в глубине его глаз она читала иное: страх перед тем, что он создал, желание контролировать, направлять, сдерживать. И рядом с ним она тоже ощущала этот аромат, но иной – сдержанный, приглушённый. Его вожеление было окрашено страхом и виной.

А вот от Трофима Семёновича исходили волны горячего, нетерпеливого желания всякий раз, когда она проходила мимо, случайно задевая его рукавом или наклоняясь за упавшей коробкой. Августина не сразу поняла, что происходит, но постепенно начала замечать, как тело реагирует на эти сигналы – бёдра чуть покачиваются при ходьбе, спина выгибается, подчёркивая грудь, голос становится ниже, мягче, мелодичнее.

Однажды она провела эксперимент – нарочно уронила карандаш и наклонилась подобрать его прямо перед Трофимом Семёновичем. Платье натянулось на бёдрах, обрисовывая их форму. Аптекарь не произнёс ни слова, но аромат его желания стал таким густым, что Августина почти задохнулась. Когда она выпрямилась и повернулась к нему, его лицо было пунцовым, а руки, державшие рецепт, заметно дрожали.

– Вы что-то уронили, Августина... э... простите, не знаю вашего отчества, – пробормотал он, глядя куда-то мимо неё.

– Просто Августина, – ответила она. – Без отчества.

И снова волна невидимого аромата накрыла её, заставив томительную внутреннюю пустоту отступить на несколько секунд.

С тех пор она стала наблюдать за мужчинами внимательнее. Замечала, как меняется их дыхание, когда она проходит мимо, как расширяются зрачки, как голоса становятся чуть ниже, а движения – резче, неувереннее. Их желание было для неё физически ощутимым – и единственным, что хоть ненадолго заполняло пустоту.

Даже Карл Густавович, её создатель, не был свободен от этого. Когда он думал, что она не видит, его взгляд задерживался на её шее, губах, изгибе талии. А потом он резко отворачивался, шурился, протирал очки, бормотал что-то о препаратах и инвентаризациях.

Августина вернулась к окну. Двор опустел – Илья Андреевич закончил работу и ушёл в людскую. Небо над Москвой наливалось сумеречной синевой, в которой зажигались первые звёзды. Где-то вдалеке колокола отбивали вечерню. Она не чувствовала связи ни с этим миром, ни с его ритуалами. Пустота внутри – вот что определяло её существование.

В дверь постучали – три коротких удара, такие тихие, что человеческое ухо едва уловило бы их. Но Августина не была человеком. Она обернулась.

– Войдите, – сказала она.

Дверь приоткрылась, и в комнату проскользнула Евгения. Щёки покраснелись, глаза блестели.

– Я принесла тебе кое-что, – сказала она с заговорщицким видом, протягивая небольшой свёрток. – Думаю, тебе пойдёт.

Августина развернула бумагу. Внутри лежало платье – не строгое и закрытое, какие обычно носили женщины в доме Гильбихов, а лёгкое, светло-голубое, с вырезом, обнажающим шею и ключицы, и поясом, подчёркивающим талию.

– Это слишком открыто для приличной девушки, – с лёгким смешком пояснила Евгения, – но иногда полезно выглядеть не слишком прилично. Особенно, когда хочешь произвести впечатление.

– Впечатление, – повторила Августина, ощупывая мягкую ткань платья. – Это связано с тем, как мужчины смотрят на женщин?

Глаза Евгении расширились, а потом она рассмеялась – тихо, чтобы не услышали в коридоре.

– Именно так, – кивнула она.

Когда Евгения ушла, Августина некоторое время рассматривала платье, затем аккуратно положила его на кровать. Что-то подсказывало ей, что скоро оно понадобится.

Вечер погрузил дом Гильбихов в привычную рутину. В классной комнате Александра Александровна всё ещё проверяла тетради учеников, близнецы готовились ко сну, Мария Ивановна отдавала горничным последние распоряжения на завтра. В аптеке Карл Густавович заканчивал ежемесячный отчёт для военного ведомства. И только Трофим Семёнович, вопреки обыкновению, не спешил домой. Он задержался, якобы пересчитывая вечерние накладные, но на самом деле ожидая момента, когда все разойдутся и он сможет столкнуться с Августиной.

За последние дни она стала его наваждением. Странная племянница управляющего преследовала его даже во сне. Он просыпался в поту, с колотящимся сердцем и ощущением невыносимой пустоты внутри.

Настенные часы в аптеке пробили десять. Карл Густавович сложил бумаги, запер ящик стола и направился к выходу.

– Вы ещё здесь, Трофим Семёнович? – удивился он, заметив помощника у шкафа с лекарствами. – Уже поздно.

– Заканчиваю инвентаризацию йодных настоек, Карл Густавович, – ответил аптекарь, стараясь, чтобы голос звучал естественно. – Вы идите, я закрою.

Гильбих кивнул и вышел. Трофим остался один среди стеклянных шкафов. В полумраке аптеки, освещённой одной керосиновой лампой, колбы и склянки отбрасывали мерцающие тени на стены. Запахи лекарственных трав, спирта и йода смешивались в воздухе.

Он подождал ещё немного, прислушиваясь к шагам хозяина на лестнице, затем осторожно вышел из аптеки и начал подниматься наверх. Сердце колотилось, во рту пересохло, руки стали влажными. Он не знал точно, что собирается делать – может быть, просто поговорить, случайно встретив Августину в коридоре, или, если повезёт, проводить её до комнаты.

Передняя второго этажа была пуста. Трофим двинулся дальше, стараясь ступать бесшумно. Повернув в дальний конец коридора, ведущий в заднюю часть дома, где располагались комнаты прислуги и где жила Августина, он замер, опасаясь, что звук скрипнувших половиц привлечёт внимание. Но никто не появился, и он продолжил движение.

В этой части дома окна выходили во двор, а не на фасад здания, свет с улицы почти не проникал, и в коридоре было значительно темнее – здесь сэкономили на освещении. Только одинокая свеча в настенном подсвечнике отбрасывала слабый свет на стены. Трофим остановился, не зная, куда идти дальше – он никогда не был в этой части дома и не знал, какая из дверей ведёт в комнату Августины.

И тут она появилась – в конце коридора. На ней было не привычное строгое платье, а что-то лёгкое, светлое, обнажавшее шею и плечи. В полумраке её кожа казалась бледной, а глаза отражали пламя свечи.

– Трофим Семёнович, – произнесла она. – Вы ищете меня?

Он не мог произнести ни слова. В горле пересохло, а сердце билось так сильно, что, казалось, его стук должен был разбудить весь дом. Она двинулась к нему. С каждым её шагом воздух в коридоре становился гуще, тяжелее.

– Я... я просто... – пробормотал наконец Трофим, отступая к стене. – Мне нужно было...

Августина остановилась прямо перед ним. Так близко, что он ощущал тепло её тела, чувствовал лёгкий аромат, исходящий от её кожи – что-то неуловимо знакомое, но в то же время чуждое.

– Вы хотите меня, – сказала она просто, без кокетства. – Я чувствую это.

Её слова ударили. Трофим задохнулся, не в силах опровергнуть очевидное. Его желание было таким острым, что он сам ощущал его как физическую боль. И она каким-то образом знала это.

– Идёмте, – сказала Августина, беря его за руку.

Её прикосновение было прохладным. Она повела его за собой к одной из дверей. Трофим покорно шёл следом, понимая, что совершает непоправимое, но не в силах сопротивляться.

Комната Августины была маленькой и почти пустой – узкая кровать с железной спинкой, простой деревянный стол, стул, шкаф для одежды. Ни картин на стенах, ни безделушек на столе. Только зеркало в полный рост в углу комнаты выделялось на фоне аскетичной обстановки.

Августина закрыла дверь и повернулась к гостю. В неверном свете свечи её лицо казалось вырезанным из слоновой кости – безупречное, но лишённое индивидуальности. Только глаза жили – они смотрели на Трофима с голодным любопытством.

– Разденьтесь, – сказала она, и в её голосе не было ни просьбы, ни приказа.

Трофим повиновался. Пальцы были неловкими, непослушными, когда он расстёгивал пуговицы сюртука, жилета, рубашки. Наконец он стоял перед ней обнажённый, дрожащий, испытывая одновременно стыд и неконтролируемое возбуждение.

Августина рассматривала его с отстранённым интересом. Затем протянула руку и прикоснулась к его груди – лёгкое, почти невесомое касание, от которого по телу Трофима пробежала дрожь.

– Ваше сердце бьётся со скоростью сто тридцать ударов в минуту, – заметила она. – Это возбуждение.

– Да, – выдохнул Трофим.

Августина сделала шаг назад и, заведя руки за спину, медленно расстегнула крючки на спинке платья, позволив ему соскользнуть с плеч и упасть к ногам. Под ним открылся корсет из плотного белого шёлка с китовым усом. Пальцы неторопливо развязали атласные ленты, одну за другой, пока корсет не раскрылся, обнажая батистовую сорочку с кружевной отделкой. Августина сняла сорочку через голову. Остались лишь панталоны до колен с вышитыми розами по краю и шёлковые чулки, удерживаемые подвязками с перламутровыми застёжками. Она расстегнула подвязки, позволила панталонам соскользнуть на пол и медленно скатала чулки вниз, обнажая безупречную кожу.

Трофим смотрел, не в силах оторвать взгляд. Он сделал шаг вперёд, но Августина остановила его, положив руку на грудь.

– Нет, – сказала она. – Я буду вести.

Она толкнула его на кровать, и Трофим упал на спину, глядя на неё снизу вверх. Августина опустилась сверху, оседлав его бёдра. Движения были уверенными, отточенными, хотя в этом доме все считали её девственницей.

Когда она опустилась на него, принимая в себя, Трофим не смог сдержать стона. Ощущение было не просто физическим удовольствием, но чем-то большим, более глубоким.

Августина начала двигаться – медленно, методично. Ногти впились в его грудь, оставляя красные полумесяцы на коже. Глаза не отрывались от его лица, изучая каждую реакцию.

– Что вы чувствуете? – спросила она, не прекращая движений.

– Блаженство, – выдохнул Трофим, едва способный говорить. – Невероятное блаженство!..

Движения ускорились, стали резче. Она наклонилась над ним, короткие тёмные волосы обрамляли лицо. И когда волна оргазма накрыла Трофима, Августина прижалась губами к его губам в поцелуе... Но это не было актом страсти или нежности. Это было что-то иное – она пила из него через этот поцелуй, вытягивая что-то невидимое, но жизненно важное.

В момент наивысшего наслаждения Трофим почувствовал, как невидимые нити соединили их тела, и по ним потекла энергия, жизненная сила, от него – к ней. Он не мог сопротивляться этому потоку – да и не хотел.

Это длилось несколько секунд. Когда всё закончилось, он остался лежать на узкой кровати, бессильно раскинув руки, с мутными глазами и бессмысленной улыбкой на лице. Тело было покрыто испариной, сердце билось медленно и неровно.

Августина поднялась. Движения оставались плавными, но теперь в них появилась новая энергия. Она подошла к зеркалу в углу комнаты и встала перед ним, рассматривая своё обнажённое тело.

То, что она увидела, удовлетворило её. Кожа приобрела здоровый оттенок. Глаза горели неестественным блеском. Соски затвердели, а между бёдер всё ещё пульсировало сладкое напряжение. Но главное – пустота внутри отступила, заполненная чем-то тёплым, живым.

За её спиной Трофим Семёнович лежал на кровати, опустошённый, с полузакрытыми глазами. Он помнил только блаженство – всепоглощающее, стирающее все остальные воспоминания. Августина повернулась к нему, и на её губах появилась улыбка – уже не механическая имитация, а что-то более естественное и одновременно более опасное.

Она нашла то, что искала. То, что заполняло пустоту. И теперь ей нужно было только больше.

На рассвете Августина переступила порог своей комнаты, ощущая непривычную силу в каждом движении. Ночное соитие с Трофимом Семёновичем не только утолило терзавшую её пустоту, но и раскрыло истинную природу голода. Она нуждалась не в пище, не в воде, а в энергии желания – той, что струилась от мужчин, наполняя воздух незримым, но для неё отчётливым ароматом. Спускаясь по лестнице, она чувствовала, как каждое движение стало более плавным, каждый шаг – более уверенным.

В аптеке её встретил бледный, осунувшийся Трофим Семёнович. Руки дрожали, когда он перекладывал склянки с микстурами. Глаза, обведённые тёмными кругами, смотрели в одну точку. Губы, потрескавшиеся и сухие, постоянно шевелились. Увидев Августина, он вздрогнул, отступил к стене, но не произнёс ни слова – только смотрел на неё с выражением, в котором страх смешивался с болезненным желанием.

– Доброе утро, Трофим Семёнович, – произнесла она. – Как вы себя чувствуете?

Аптекарь открыл рот, но смог издать лишь хриплый звук. Он прокашлялся и выдавил:

– Я... я не знаю. Словно сон... Словно я не спал...

Взгляд его блуждал по комнате, не в силах сфокусироваться. Августина подошла ближе, изучая изменения в его внешности. Кожа, раньше чуть розовая, теперь имела сероватый оттенок, сосуды на висках проступили синими дорожками. Но главное – от него больше не исходил тот густой аромат желания, что окутывал его прежде. Теперь это был слабый, почти выветрившийся запах.

– Вам нужно больше отдыхать, – сказала она. – Вы выглядите истощённым.

Августина методично перебирала в уме произошедшее ночью, анализируя каждую деталь первого сеанса «питания». Тело её каким-то образом извлекло энергию из Трофима в момент его высшего наслаждения, заполнив внутреннюю пустоту. Но теперь, спустя несколько часов, голод возвращался – не такой мучительный, как прежде, но настойчивый. Ей требовалось больше.

Утро прошло в обычных хлопотах – уборка, перепись препаратов, помощь с рецептами. Августина двигалась по аптеке с новой уверенностью, которую не могла не заметить даже Александра Александровна, заглянувшая перед обедом за успокоительными каплями.

– Вы изменились, Августина, – заметила она, окидывая «курляндскую родственницу» подозрительным взглядом. – Что-то в вас иначе.

– Я адаптируюсь, – ответила Августина с той новой, почти естественной улыбкой, что появилась у неё после ночи с Трофимом.

После полудня, когда Карл Густавович отпустил её из аптеки, Августина приступила к поискам следующего объекта. Она нуждалась в новом источнике энергии. Выбор пал на Дормидонта – дворника, могучего мужчину лет сорока с окладистой бородой.

Дормидонт обладал характерным запахом – землистым, грубым, мужицким. От него исходил тот же аромат вожелания, что и от других мужчин в доме, но с примесью чего-то животного, необузданного. Августина наблюдала за ним из окна, когда он колот дрова во дворе, и чувствовала, как его желание усиливается, когда она появляется в поле зрения.

Когда Дормидонт отправился в кладовую за инструментами, она последовала за ним. Дверь скрипнула, впуская её в полутёмное помещение, где пахло деревом, машинным маслом и залежавшимся тряпьем.

– Дормидонт, – позвала она тихо.

Дворник обернулся и замер, зажав в руке молоток. Глаза, маленькие и тёмные, расширились при виде Августины, стоявшей в дверном проёме. Она намеренно расстегнула верхние пуговицы платья, открывая шею и намёк на грудь. Волосы, обычно аккуратно уложенные, были слегка растрёпаны.

– Барышня? – пробормотал Дормидонт, отступая к стене. – Чего изволите?

– Я хочу узнать о вас больше, – произнесла Августина, делая шаг внутрь и закрывая за собой дверь. – Вы такой сильный...

Она приблизилась, и дворник шумно сглотнул. В тесной кладовой её аромат – странная смесь цветочных ноток и чего-то неуловимо чужеродного – заполнил всё пространство. Молоток выскользнул из его пальцев и упал на пол с глухим стуком.

– Не можно так, барышня, – прошептал он, но тело не соглашалось с разумом – кадык дёргался, дыхание стало шумным и частым, а в штанах обозначился недвусмысленный бугор.

– Почему нет? – спросила Августина, остановившись в шаге от него. – Разве вы не хотите меня?

Аромат его желания становился всё гуще, заполняя кладовую. Августина глубоко вдохнула, чувствуя, как внутренняя пустота отзывается на этот запах голодным спазмом.

– Барышня, – выдохнул Дормидонт, его руки дрожали, а глаза метались между её лицом и дверью, – не губите... Не могу я... Не моего положения... Нельзя. Прогонят меня, ежели узнают.

– Никто не узнает, – пообещала Августина, опускаясь на колени перед ним. – Это будет наш секрет.

Пальцы, прохладные и точные, расстегнули его грубые штаны. Запах его желания ударил ей в ноздри.

– Барышня, что же вы... – начал было Дормидонт, но слова застряли в горле, когда Августина обнажила его возбуждённую плоть.

– Я хочу попробовать вас на вкус, – произнесла она, глядя на него снизу вверх.

Прежде чем дворник успел произнести хоть слово, Августина приникла к нему ртом, обволакивая его влажным теплом своих губ. Ощущение было странным – солоноватый привкус, запах, усилившийся в сотню раз. Она не знала, что делает, но тело каким-то образом вело её, подсказывало правильные движения.

Августина начала двигать головой, принимая его глубже, затем отстраняясь. Пальцы сомкнулись вокруг, другая ладонь ритмично ласкала в унисон с движениями губ. Дормидонт застонал – гортанно, по-звериному, колени его задрожали, руки схватились за полку позади, чтобы не упасть.

– Свят-свят-свят, – бормотал он между стонами, – дьяволица...

Его реакция только усилила голод Августины. Она чувствовала, как энергия желания концентрируется, становится ощутимой. Темп нарастал, она ласкала его, пока не почувствовала сопротивление собственного тела, вызывая у дворника новые, почти болезненные стоны.

– Господи... не могу больше... – предупредил Дормидонт, пытаясь отстраниться.

Но Августина только усилила хватку, не позволяя ему отодвинуться. Момент кульминации был близок. Когда Дормидонт дёрнулся в последней судороге, Августина начала вытягивать его энергию.

Ощущение было ещё более ярким, чем с Трофимом. Она чувствовала, как по невидимым каналам к ней течёт сила – густая, терпкая, с нотками земли и металла. Дормидонт задрожал всем телом, глаза закатились, из горла вырвался хрип, больше похожий на предсмертный, чем на стон удовольствия.

Когда всё закончилось, дворник осел на пол. Глаза, остекленевшие и пустые, смотрели в одну точку, с губ стекала тонкая струйка слюны, дыхание стало поверхностным и частым.

Августина поднялась, вытирая рот тыльной стороной ладони. Внутри бурлила новая энергия, заполнившая пустоту, делающая её более живой. Она чувствовала, как меняется кожа, как усиливается острота зрения, как каждый нерв вибрирует от переполняющей силы.

– Спасибо за эксперимент, Дормидонт, – сказала она, поправляя платье. – Вы были очень питательны.

Дворник не ответил – только смотрел пустым взглядом, не в силах даже застегнуть штаны. Августина наклонилась и сделала это за него, затем помогла подняться. Колени у него подгибались, он едва мог стоять.

– Вам нужно отдохнуть, – посоветовала она. – Идите в свою комнату и спите.

– Да, барышня, – пробормотал Дормидонт голосом, в котором не осталось ничего от обычной басовитости. – Как скажете...

Он побрёл к двери, шаркая ногами, цепляясь за стены, чтобы не упасть. Августина наблюдала за ним, отмечая все изменения, вызванные «кормлением». Второй эксперимент дал новые данные для анализа – оральный контакт работал так же эффективно, как и полное соитие, а вкус энергии зависел от человека. Трофим был пряным, сладковатым с горчинкой. Дормидонт оказался терпким, с привкусом земли и железа.

Августина покинула кладовую, чувствуя, что голод утолён надолго. Пустота заполнилась до краёв, энергия циркулировала по телу. Но одновременно внутри росло новое чувство – любопытство, смешанное с жадностью. Какие ещё «вкусы» она могла попробовать? Насколько разными могли быть мужчины? И сколько энергии ей требовалось, чтобы полностью заполнить вечную пустоту?

Вечером того же дня её взгляд упал на кучера Илью Андреевича – мужчину лет сорока, отличавшегося немногословностью и сдержанностью. От него тоже исходил аромат желания, но иной – острый, с оттенками дыма и сыромятной кожи. Августина наблюдала за ним из окна, когда он проверял упряжь в конюшне, и решила, что он станет следующим экспериментом.

Незадолго до ужина она спустилась в конюшню, неся небольшой узелок.

– Илья Андреевич, – позвала она, входя в полумрак конюшни, где пахло сеном, лошадьми и кожей сбруи. – Мне нужна ваша помощь.

Кучер выглянул из стойла, вытирая руки о холщовую тряпку. В свете керосиновой лампы его лицо казалось высеченным из камня – резкие черты, глубокие тени под глазами, тонкие губы.

– Чего изволите, барышня? – спросил он, не поднимая глаз.

– Я хотела бы, чтобы вы научили меня запрягать лошадей, – сказала Августина, подходя ближе. – Это важный навык.

Илья Андреевич поднял брови, удивлённый такой просьбой.

– Зачем вам это? – спросил он недоверчиво. – Нешто барышне пристало с лошадьми возиться?

– Я люблю узнавать новое, – ответила Августина, делая ещё один шаг к нему. – Всё новое.

Она намеренно остановилась слишком близко, нарушая приличествующее расстояние между барышней и слугой. Кучер почувствовал это – ноздри расширились, уловив её странный аромат, а глаза, наконец поднявшиеся на неё, расширились от внезапного, неконтролируемого желания.

– Начнём с простого, – продолжила Августина, указывая на конскую сбрую, висящую на стене. – Покажите, как работают эти ремни.

Кучер слотнул, борясь с собой, но профессиональная гордость победила, и он начал показывать устройство упряжи. Руки, загрубевшие от постоянной работы с вожжами, дрожали, когда он объяснял назначение разных частей.

Августина слушала внимательно, но руки начали действовать по плану. Она касалась его пальцев, когда он передавал ей часть упряжи, проводила ладонью по его рукаву, позволяла своему дыханию касаться его шеи, когда наклонялась, чтобы лучше рассмотреть деталь.

С каждым прикосновением аромат желания становился всё гуще, заполняя конюшню. Голос кучера становился хриплым, объяснения – всё более сбивчивыми. Наконец, когда она прижалась к нему всем телом, показывая, как нужно затягивать ремень, он не выдержал.

Илья Андреевич отступил назад, упершись спиной в деревянную перегородку стойла. Августина шагнула ещё ближе. Его глаза, обычно холодные и отстранённые, метались между её лицом и дверью конюшни.

– Барышня, нельзя... – выдохнул он, сжимая в кулаке тряпку. – Хозяин меня со двора сгонит...

– Никто не узнает, – прошептала Августина, кладя ладонь на его грудь. Она чувствовала, как бешено колотится сердце под грубой тканью рубахи.

Пальцы скользнули вниз, нащупали выпуклость в штанах. Кучер вздрогнул, закусил губу, но не посмел остановить её.

– Пойдём в каретную, – сказала она, кивая на узкую дверь в углу. – Там нас точно никто не увидит.

Илья Андреевич последовал за ней. В каретной было темно и пыльно, пахло старой кожей и машинной смазкой. Августина развернулась к кучеру и начала расстёгивать его рубаху.

– Я хочу видеть ваше тело, – сказала она, и в голосе прозвучала требовательная нотка, которой не было раньше. – Хочу трогать вас везде.

Этот эксперимент Августина задумала иначе. На этот раз она не торопилась, решив проверить, как продолжительность возбуждения влияет на качество получаемой энергии. Её руки двигались по телу кучера медленно, изучая каждый изгиб, каждую мышцу. Она касалась его груди, живота, спины, наблюдая за реакцией.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.